

Россия и Азия

№ 2 (20), 2022

russia-asia.org

Россия и Азия

Электронный научный журнал

№ 6 (20), 2022 г.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлеченными редакцией независимыми экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор журнала — доктор экономических наук, профессор Людмила Васильевна Шкваря.

Периодичность: не реже 4-х раз в год.

eISSN 2712-7486

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://russia-asia.org/>

E-mail редакции: red@russia-asia.org

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-70325 от 10.07.2017 (СМИ — «сетевое издание»).

Учредители: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Шкваря Л. В., Соловьева Ю. В.

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий».

Редакционный совет

Шкваря Людмила Васильевна — главный редактор, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономии экономического факультета Российского университета дружбы народов, директор Центра Азиатских исследований РУДН, Москва, Россия.

Члены редакционного совета:

Соловьёва Юлиана Владимировна — заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Айдрус Ирина Ахмед Зейн — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов, директор Центра Арабских исследований РУДН, г. Москва, Россия.

Аль Сайяд Мохаммед Джаффар — PhD (экономика), советник компании «Ногахолдинг», г. Манама, Бахрейн.

Белова Ольга Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент, советник Международного центра научной и технической информации, г. Москва, Россия.

Будиаб Анис Набих — PhD (экономика), заведующий кафедрой финансов Ливанского государственного университета, член правления Экономического и социального комитета Ливана, г. Бейрут, Ливан.

Дамнянович Весна — PhD (экономика), профессор Белградского университета, г. Белград, Сербия.

Кириллов Виктор Николаевич — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Государственного университета управления, г. Москва, Россия.

Кокуйцева Татьяна Владимировна — кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, доцент кафедры прикладной экономики Центра управления отраслями промышленности экономического факультета Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Малашенкова Ольга Федоровна — кандидат экономических наук, доцент, Белорусский государственный университет, факультет международных отношений, кафедра международных экономических отношений, г. Минск, Республика Беларусь.

Муха Денис Викторович — кандидат экономических наук, доцент, заведующий отделом инновационной политики Института экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь.

Неновски Николай Ненов — доктор экономических наук, профессор, профессор университета Жюль Верна, г. Амьен, Франция.

Раупов Комилчон Самиевич — кандидат экономических наук, Политехнический институт Таджикского технического университета имени академика М. Осими, г. Худжанд, Таджикистан.

Родионова Ирина Александровна — доктор географических наук, профессор, независимый исследователь, г. Москва, Россия.

Фролова Елена Дмитриевна — доктор экономических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

Хэ Минцзюнь — PhD (экономика), старший преподаватель юридического факультета Куньминского политехнического университета, г. Куньмин, Китай.

Пернацкая Ольга Олеговна — выпускающий редактор, директор Межрегионального института развития территорий, г. Ялта, Россия.

Содержание

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ**Кириллов В. Н., Балакин А. Д.**

Сравнительный анализ развития Индонезии и Нигерии в контексте «ресурсного проклятья» **6**

Нджелассили Ф.

Современный политико-экономический контекст развития Габона: валюта как инструмент суверенитета, геополитическое и экономическое оружие **16**

Абдуллаев Д. А.

Иностранные инвесторы и российская нефтегазовая отрасль в условиях американских и европейских санкций 2014–2022 гг. **22**

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ****Бедрина Е. Б., Гао Нан.**

Эмпирический анализ развития торговли между Россией и Китаем **30**

Шкваря Л. В.

Социально-экономическое развитие Королевства Саудовская Аравия и позиции в региональной экономике и торговле **38**

Чиниев Дж. Б.

Центральная Азия: анализ социально-экономических и внешнеторговых процессов в XXI веке **51**

Content**DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES****Kirillov V. N., Balakin A. D.**

Comparative analysis of the development of Indonesia and Nigeria in the context of the "resource curse" **6**

Ngelassili F.

The modern political and economic context of the development of Gabon: currency as an instrument of sovereignty, geopolitical and economic weapons **16**

Abdullaev D. A.

Foreign investors and the Russian oil and gas industry in the context of American and European sanctions 2014–2022. **22**

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS**Bedrina E. B., Gao Nan**

Empirical analysis of trade development between Russia and China **30**

Shkvarya L. V.

Socio-economic development of the Kingdom of Saudi Arabia and positions in the regional economy and trade **38**

Chiniev J. B.

Central Asia: Analysis of socio-economic and foreign trade processes in the XXI century **51**

**РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ /
DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES**

**Сравнительный анализ развития Индонезии и Нигерии в контексте
«ресурсного проклятия»**

*Кириллов Виктор Николаевич¹,
Балакин Антон Дмитриевич²*

Статья представляет собой компаративный анализ Республики Индонезия и Федеративной Республики Нигерия в контексте «ресурсного проклятия». Отмечая схожесть стран в ресурсном аспекте — наличие разнообразных и богатых запасов минерального сырья, а также по ряду других параметров (демографических, исторических, экономических), — авторы показывают наличие существенных различий в экономической политике обеих стран, и в итоге — в результатах этой политики. В частности, авторами отмечается, что Нигерия, в отличие от Индонезии, не смогла стать новой индустриальной страной с качественными институтами и низкой вероятностью внутригосударственных конфликтов. Для Индонезии же характерна большая успешность развития вследствие разумной политики перераспределения ресурсов от добычи нефти: экономический рост в Индонезии сопровождался структурными преобразованиями, снижением зависимости от сырьевого сектора и активным промышленным развитием. Таким образом, проведя компаративный анализ экономического развития Индонезии и Нигерии, авторы делают вывод о том, что большая или меньшая успешность социально-экономического развития страны зависит в значительной мере от качества экономической политики и институтов, а не от наличия природных ресурсов и внешней «помощи развитию».

***Ключевые слова:** Индонезия, Нигерия, «ресурсное проклятие», развивающиеся страны, экономический рост, бедность, макроэкономическая стабилизация.*

***JEL коды:** E23, L69, O14, P27.*

Введение

В статье «За 50 лет Индонезия превратилась из аграрной в новую индустриальную страну и успешно преодолела «ресурсное проклятие» (Кириллов, Балакин, 2022) авторами были рассмотрены вопросы, прямо указанные в названии статьи. Но поскольку далеко не всем странам удастся преодолеть «ресурсное проклятие», авторам представляется интересным рассмотреть эту проблему при помощи сравнения двух похожих стран с

¹ *Кириллов Виктор Николаевич* — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Государственного университета управления, Москва, Россия.

² *Балакин Антон Дмитриевич* — интерн, Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия.

разными траекториями экономического развития — Индонезии и Нигерии, — чему и посвящена настоящая статья.

Прежде всего, нужно отметить некоторую схожесть указанных стран. Нигерия и Индонезия — это две страны с большим населением различных этнических групп, богатые природными ресурсами и активно торговавшие ими, начиная с 1960-х гг., десятилетиями уделявшие большое внимание планированию собственного экономического развития. Историческое развитие стран даже в последние столетия также имеет общие черты — и Нигерия, и Индонезия — это бывшие колонии; в обеих странах имел место длительный период военного правления (или правления, в котором доминировали военные). В Нигерии этот период длился с 1966 по 1998 гг. и был прерван только на 5 лет правления гражданского правительства (1979–1983 и 1993 гг.). За первые 4 десятилетия своего существования Нигерия пережила 6 успешных и 3 неудачных военных переворота. В свою очередь, «Новый порядок» в Индонезии (1966–1998 гг.) подразумевал установление «управляемой демократии» в рамках авторитарного режима президента Сухарто¹.

И, что важно, у этих двух стран была еще одна схожая черта: политические элиты злоупотребляли (или все еще злоупотребляют) своим положением в аппарате государственной власти с целью извлечения ренты из добычи и продажи полезных ископаемых. Далее мы попробуем проследить, почему Нигерия, в отличие от Индонезии, не смогла стать новой индустриальной страной с качественными институтами и низкой вероятностью внутригосударственных конфликтов, подчеркнем различие в экономических траекториях между странами, которое имеется, несмотря на то, что путь их экономического развития в 1960-х гг. был весьма схожим.

Результаты исследования

Хорошо известно, что абсолютная и относительная бедность, огромные различия в уровне жизни в развитых и развивающихся странах остаются одной и важнейших глобальных проблем современности, источником социального напряжения. Достаточно вспомнить, например, о проблеме миграции в Европе, о ее влиянии на политическое развитие европейских стран, на взлет ультраправых партий и рост их влияния. Конечно, развитые страны прилагали огромное количество усилий (ментальных, экономических, политических и др.) для разрешения этой проблемы. С момента создания Бреттон-Вудских институтов борьба с бедностью в развивающихся странах стала ключевым направлением в деятельности группы Всемирного Банка и МВФ. Потоки капитала как ключевая проблема развития стран привлекли внимание в политических исследованиях с 1960-х гг. и продолжают занимать центральное место в дебатах по вопросам развития стран с формирующейся рыночной экономикой. Оглядываясь назад, можно сказать, что первоначальный посыл был в значительной степени результатом стратегии развития предоставления иностранной помощи, проводимой тогда Всемирным банком и Международным валютным фондом. В то время существовало твердое убеждение, что, поскольку развивающиеся страны страдают от огромного разрыва между инвестициями и

¹ Подробнее вопросы экономического развития Индонезии можно посмотреть в указанной выше статье.

сбережениями, а внутренние источники финансирования в значительной степени ограничены слабыми усилиями по мобилизации ресурсов и недостаточным экономическим потенциалом, помощь в целях развития в виде финансовых средств развитых стран остается выходом из существенного дефицита капитала, необходимого для реализации проектов развития этих стран. А сокращение и даже преодоление этого дефицита и техническая помощь в целях развития (подсказка, указание направления развития), по сути, автоматически приведут к быстрому экономическому росту, а в дальнейшем и социальному и экономическому развитию стран «третьего мира».

Мы полагаем, что принцип «дирижизма» со стороны развитых стран не оправдал себя, несмотря на то, что необходимость государственного вмешательства отстаивалась ведущими экономистами, включая Джозефа Стиглица (1996 и 2001), который разъяснил роль правительства в процессе регулирования сбоев координации, информационной асимметрии и негативного влияния внешних факторов. Нам представляется, что развитые страны, отчисляя огромные суммы на помощь в экономическом росте и развитии развивающихся государств, чтобы решить проблему бедности в них, базируются на неправильном понимании причин бедности. Так, по оценкам многих исследований, только 10% (максимум 20%) международной помощи достигает своей цели (Аджемоглу, Робинсон, 2015).

Бедные страны бедны прежде всего не потому, что у них мало денег, а потому, что они существуют в условиях неблагоприятной институциональной среды: в них отсутствует верховенство права, гарантия защиты прав собственности и защиты контрактов; у элит редко имеется желание и необходимость стимулировать устойчивое экономическое и политическое развитие, защищать конкуренцию в социальной и экономической жизни. Поскольку природные ресурсы легко концентрируются в руках элиты, а рента от их добычи и продажи на мировом рынке достаточно легко присваивается, государственные чиновники в странах с некачественным государственным управлением склонны к погоне за ее извлечением через самые разнообразные коррупционные схемы с привлечением и частного, и государственного бизнеса, но не к деятельности, направленной на экономический рост и развитие своих стран (Sachs, Warner, 2001). В таких неблагоприятных условиях даже массовые программы субсидирования и поддержки национальной промышленности оказываются бесполезными, не приносящими рационально ожидаемого эффекта, поскольку укоренившиеся экстрактивные институты просто не позволяют эффективно распределить растущее благосостояние в стране — это результат, который Майкл Росс называет «политической дисфункцией» (Ross, 2015). Нам в настоящий момент кажется вполне верным утверждение, согласно которому обладание значительным количеством природных ресурсов оказывается губительным для развивающихся стран, не благом их, а «проклятием».

Чтобы осознать феномен «проклятия» природных ресурсов, нужно понять, что в корне отличает богатство полезными ископаемыми от других типов богатства. Две ключевые особенности требуют нашего внимания: во-первых, природные ресурсы не нужно производить — их стоит только извлечь (несмотря на то, что процесс извлечения может быть исключительно затруднительным и недешевым). Поскольку процесс извлечения ресурсов не требует традиционного процесса производства, он может существовать практически независимо от множества процессов внутри экономики страны, де-факто будучи производственным «анклавом». Во-вторых, невозобновляемый характер природных ресурсов делает их больше похожими на активы (т.е. на экономический ресурс, контролируемый субъектом в результате неких прошлых событий, на некое «право», которое

может приносить экономические выгоды), нежели на источник дохода в результате собственной деятельности (как, например, производство и продажа готовых изделий). Вместе эти две особенности способствуют возникновению множества экономических и политических обстоятельств и систем, оказывающих негативное влияние на благосостояние общества в целом (в отличие от благосостояния его отдельных узких слоев).

Поскольку две рассматриваемые страны, Индонезия и Нигерия, были очень близки по особенностям развития еще несколько десятилетий назад (ничтожный по историческим меркам срок), нас может только удивить, что за последние 60 лет они показали такие различные результаты этого развития. Для Индонезии была характерна большая успешность поступательного движения вследствие разумной политики перераспределения ресурсов от добычи нефти: экономический рост в Индонезии сопровождался структурными преобразованиями, снижением зависимости от сырьевого сектора и активным промышленным развитием. Ранее авторы (Кириллов, Балакин, 2022) уже представили анализ того, как Индонезия смогла преодолеть так называемое «ресурсное проклятие» с помощью устранения дисбалансов между отраслями производства, главным образом направляя сверхдоходы от реализации нефти на развитие обрабатывающей промышленности. Стабилизация макроэкономической обстановки способствовала улучшению инвестиционного климата внутри страны, а либерализация инвестиционного законодательства и движения капитала позволила достаточно быстро активизировать рыночные силы на пользу экономике Индонезии. Кроме того, нужно обратить внимание на преодоление доминирования аграрного экономического уклада и превращение его в промышленный. Развитие трудоемких отраслей и их дальнейшая экспортная ориентация позволили достичь высоких темпов экономического роста и, соответственно, значительного сокращения к концу XX в. уровня бедности в стране. В Индонезии растущая роль нефтяной промышленности сопровождалась еще более внушительным ростом производства промышленных товаров. В 1990-х гг. на долю последнего приходилось более 1/2 добавленной стоимости вторичного сектора. В 1991 г. экспорт текстиля, обуви и простых электронных товаров составлял большую долю от общего объема экспорта, принося больше доходов, чем экспорт нефти. Мало того, в настоящее время Индонезия остается нетто-импортером нефти. Снижение добычи нефти означало финансирование бюджета с помощью заимствований, что характерно для большинства стран: в 2018 г. внешний долг Индонезии составлял около 35% ВВП, а золотовалютные резервы были эквивалентны всего 10% ВВП (Попов, 2019). При том, что Индонезия в 2020 г. входила в топ-20 крупнейших производителей нефти с дневным показателем 0,9% мирового производства, ее принято считать новой индустриальной страной.

Так экономика Индонезии справилась с проблемой превалирования экспорта сырья, огромной доли от его продажи в валовом внутреннем продукте и по сей день имеет внушающие уважение показатели экономического роста и увеличения благосостояния граждан.

Нигерия, в свою очередь, производит около 2% от общего суточного объема добычи сырой нефти (British Petroleum, 2021), и в настоящий момент остается самой богатой (с точки зрения номинального ВВП) страной в Африке. В 2012 г. Нигерия стала крупнейшей экономикой в Африке, обогнав ЮАР: ВВП в текущих ценах достигал 434 млрд долларов для ЮАР и 455 млрд долларов для Нигерии соответственно (World Bank Open Data).

Сравнив динамику ВВП на душу населения Нигерии и Индонезии, мы обнаружим стабильный линейный рост благосостояния граждан Индонезии и просто исключительную волатильность этого показателя в Нигерии (рис.1).

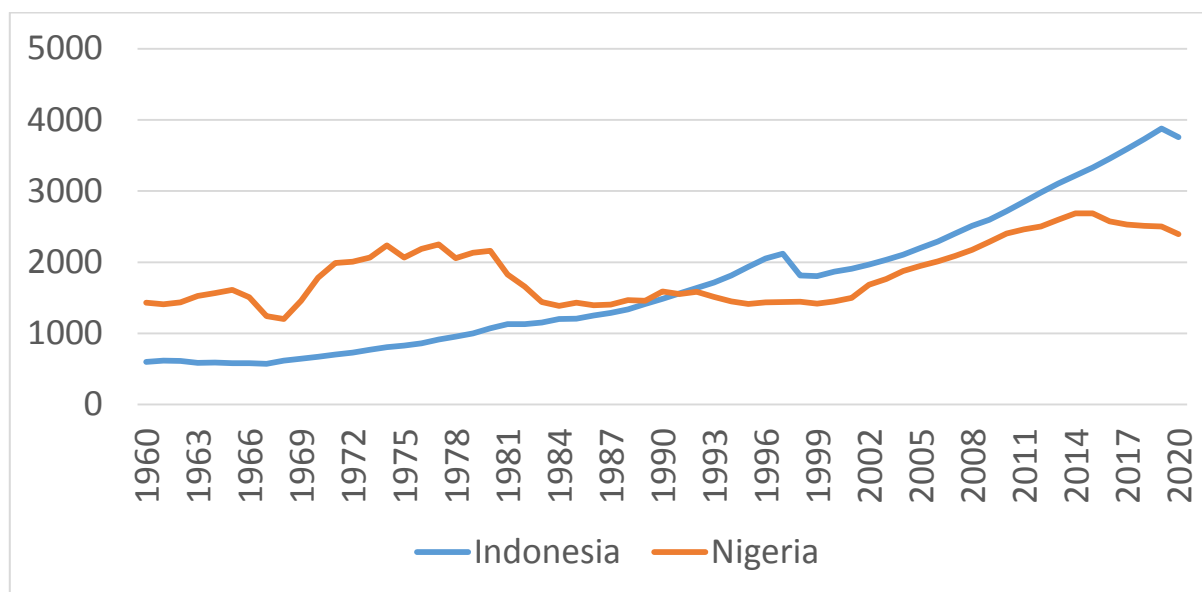

Рис. 1. Динамика ВВП на душу населения Нигерии и Индонезии в 1960–2020 гг., долларов.

Источник: составлено авторами на основе данных Всемирного Банка.

Мы видим, что Нигерия — богатая страна, преисполненная бедностью. Большая часть населения живет в крайней нищете. Нам предстоит понять, почему значительные запасы природных ресурсов не дали должных результатов с точки зрения экономического развития и роста благосостояния.

Нигерия при президенте Говоне (1966-1975 гг.) начала частичную национализацию — так называемую «нигеризацию», в том числе в нефтяном секторе. В 1971 г. Нигерия вошла в ОПЕК, и в том же году была создана *Nigerian National Oil Corporation* (позднее, в 1977 г., преобразована в *Nigerian National Petroleum Company, NNPC*). Основными игроками в нефтяном секторе Нигерии стали совместные с иностранными участниками предприятия, такие как *Shell Petroleum Development Company of Nigeria*.

Нефтяной сектор переживал бурный рост, но аграрный при этом деградировал, как и система железнодорожного сообщения, которая использовалась для вывоза сельскохозяйственной продукции к побережью. В результате мы видим, что в период с января по март 2021 г. доля сельского хозяйства в общем объеме ВВП Нигерии составила 22% (Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2022.). В последние годы наблюдается снижение производительности сельского хозяйства, что сказалось на вкладе сектора в ВВП страны, а также привело к увеличению импорта продовольствия из-за роста населения. Например, в период с 2016 по 2019 гг. совокупный импорт сельскохозяйственной продукции Нигерии составил 3,35 трлн долларов, что в 4 раза превышает экспорт тех же товаров в размере 803 млрд долларов за тот же период (PwC, 2020). Высокий объем импорта говорит о том, что цены на продовольственные товары и мировые продовольственные кризисы будут означать высокую инфляцию в Нигерии; модели, демонстрирующие

предсказательный характер цен на сельскохозяйственные товары, построены в работе Tule, Salisu, Chiemeka (2019) и характеризуются значительной достоверностью.

Бедность в Нигерии существует несмотря на то, что Нигерия добывает около 2,2 баррелей нефти в день, что делает ее крупнейшим нефтепроизводителем в Африке. В 2000 г. Нигерия получала 99,6% своих экспортных доходов от нефти, что сделало ее самой зависимой от нефти страной в мире (Ross, 2003). Эти доходы от нефти не только велики, они также очень волатильны. Поскольку на долю сырой нефти приходится более 90% валютных поступлений в Нигерию, это делает ее экономику в целом уязвимой к ценовым флуктуациям на мировом нефтяном рынке (Tule, 2014), что, в частности, влияет и на государственные расходы. Например, в начале нефтяного шока в 1972–1975 гг. государственные расходы выросли с 8,4% до 22,6% от ВВП; но к 1978 г. они упали до 14,2% (Nigeria Data portal, 2022.). Разработанный МВФ сценарий по «спасению» экономики Нигерии после падения цен на энергоносители в начале 1990-х гг. не сработал (как, в прочем, и в случае с Индонезией).

Отметим еще одно важное сходство между рассматриваемыми странами. В обоих государствах сохраняется значительная региональная дифференциация. Существует большой разрыв в развитии между западной и восточной частями Индонезии, а также между северной и южной частями Нигерии, в то время как обеспечение инфраструктурными услугами для экономической деятельности остается сложной задачей в обеих странах.

Нигерия — это федеративная республика. Федерация обычно имеет конституцию, которая в идеале предусматривает полицентрическую систему, в которой есть несколько центров принятия решений, каждый из которых формально независим от другого и несет ответственность за некоторые программы развития внутри региона. Штаты обладают широкой степенью автономии, и от них не требуется координировать свою бюджетно-налоговую политику с центральным правительством, что способствует децентрализации и снижению возможности сгладить резкие колебания на рынках сырья. При этом нигерийский федерализм характеризуется как находящийся в перманентном кризисе. В настоящее время в Нигерии насчитывается 36 штатов (плюс федеральная территория Абуджа) и 774 местных органа власти, все они получают прямые ассигнования от федерального правительства в соответствии с конституционно установленной формулой. Доля налогов (без учета нефтяной ренты) в ВВП в Нигерии в 2014 г. составила всего около 3%; в среднем неналоговые поступления в регионе имеют тенденцию к снижению (Tule, 2019).

Майкл Росс утверждает, что «ресурсное проклятие» и неэффективное перераспределение повышают вероятность внутригосударственных конфликтов (Ross, 2001), и в Нигерии нефтедобывающие штаты развиваются гораздо быстрее, чем другие, тем самым провоцируя социальную напряженность. Доходы от экспорта энергетического сырья обеспечили стремительный рост благосостояния местных элит и всплеск разочарования от несбывшихся ожиданий остального населения (Добронравин, 2010, с. 6).

Почему Нигерия не последовала примеру других стран, например, Индонезии, и не сумела превратить свои нефтяные богатства в экономический рост и развитие, а на этой основе побороть бедность?

Прежде всего нужно отметить, что у господствующих политических сил в Индонезии и Нигерии были совершенно разные приоритеты. Тот факт, что ВВП Индонезии начал расти в 1967 г., когда генерал Сухарто стал президентом, после длительного периода стагнации, и продолжал расти (в отличие от Нигерии), объясняется прежде всего развитием обрабатывающей промышленности страны, а также стратегией развития сельских районов в

интересах бедных (эта стратегия, в первую очередь, была направлена на повышение производительности фермерских хозяйств).

Если в Индонезии доля обрабатывающей промышленности в ВВП со временем увеличивалась, и индонезийская экономика с 1970-х гг. превратилась из сельскохозяйственной в индустриальную (со значительной долей сектора услуг), то в Нигерии наблюдалось снижение вклада обрабатывающей промышленности в ВВП, страна во все большей степени зависела от добычи полезных ископаемых. Согласно данным Всемирного Банка (World Bank Open Data, 2022), ВВП Нигерии по ППС вырос почти втрое — со 170 млрд долларов в 2000 г. до 451 млрд долларов в 2012 г. (а ВВП на душу населения за рассматриваемый период удвоился — с 1400 до 2800 долларов соответственно). Однако слабая промышленная база Нигерии проявляется во вкладе сектора в ВВП (8,8% в 2016 г.) и низком вкладе нефтяного экспорта в доходы бюджета (20% в 2016 г.).

Снижение цен на сырую нефть в 2014 г. привело в Нигерии к валютному кризису и к рецессии в экономике со снижением ВВП на 1,6% в 2016 г. (Tule, 2019). Уровень инфляции также приблизился к максимуму в демократическую эпоху в 18,7% в январе 2017 г. При этом Нигерия, хоть и остается страной с исключительной зависимостью от реализации нефти на внешнем рынке, отнюдь не находится в состоянии, близком к банкротству (как, например, Сомали).

Мохаммаду Бухари (нынешний глава Нигерии) был избран в марте 2015 г., пообещав бороться с повсеместной коррупцией. На его стороне была волна ожиданий; он был первым лидером нигерийской оппозиции, победившим на выборах, таким образом давая надежду на дальнейший демократических транзит, несмотря на его авторитарное прошлое. Сейчас, однако, Нигерия не является привлекательной для инвестиций страной из-за жесткого валютного контроля и незащищенности прав собственности, страдает от голода, отсутствия доступа к инфраструктуре и неимоверно выросшей безработицы (рис. 2).

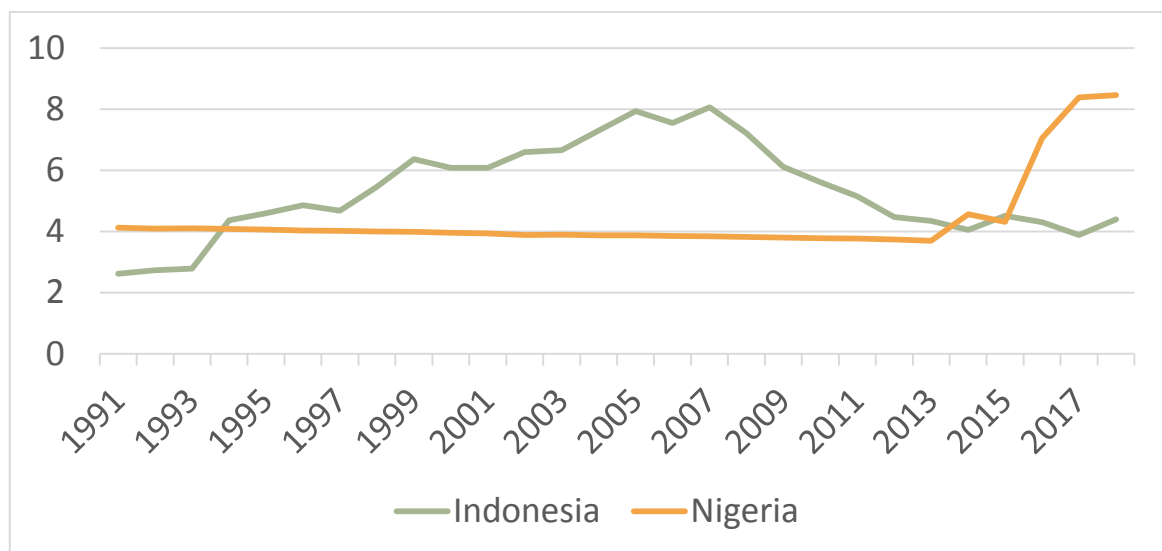

Рис. 2. Уровень безработицы в Индонезии и Нигерии с 1991 по 2018 гг., %.

Источник: составлено авторами на основе данных Всемирного Банка.

Несмотря на значительный потенциал для экономического процветания в Нигерии, серьезные проблемы сохраняются в настоящее время. Нам представляется, что главная

причина неудач социально-экономического развития Нигерии заключается в ее политической системе. Политики в Нигерии делали все, чтобы продолжать извлекать ренту от добычи нефти, удержаться у власти во что бы то ни было и, соответственно, усугублять нефтяную зависимость страны. «Экономика патронажа» побуждает власти создавать все больше правительственных учреждений, которые они могут использовать для предоставления «рабочих мест» своим друзьям, что объективно «перегружает» экономику и сохраняет ее неэффективность. «*Transparency International*» в своем ежегодном Индексе восприятия коррупции ставит Нигерию на 26-е место, но только с конца (*Transparency International*, 2021).

Список литературы

1. Аджемоглу Д., Робинсон Д. А. (2015) Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ. 1083 с. [Adjemoglu D., Robinson D. A. (2015) Why some countries are rich and others are poor. The origin of power, prosperity and poverty. Moscow: AST. 1083 p. (In Russian).]
2. Добронравин Н. А. (2010) Нигерийская модернизация, локализация демократии и перманентный кризис федерализма. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. [Dobronravin N. A. (2010) Nigerian modernization, localization of democracy and the permanent crisis of federalism. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. (In Russian).]
3. Кириллов В. Н., Балакин А. Д. (2022) За 50 лет Индонезия превратилась из аграрной в новую индустриальную страну и успешно преодолела «ресурсное проклятие» // Россия и Азия. № 1. С. 6–14. [Kirillov V. N., Balakin A.D. (2022) In 50 years Indonesia has turned from an agrarian into a new industrial country and successfully overcome the "resource curse" // Russia and Asia. No. 1. Pp. 6–14. (In Russian).]
4. Полтерович В., Попов В., Тонис А. (2007) Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. № 6. С. 4–27. [Polterovich V., Popov V., Tonis A. (2007) Mechanisms of the "resource curse" and economic policy // Questions of economics. No. 6. Pp. 4–27. (In Russian).]
5. Попов А. В. (2019) Экономика Индонезии: современное состояние и тенденции развития. М.: Институт стран Востока. [Popov A. V. (2019) The economy of Indonesia: the current state and development trends. M.: Institute of Oriental Countries. (In Russian).]
6. Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2022. URL: <https://www.fao.org/>
7. Applegate G., Smith R., Fox J. J., Mitchell A., Packham D., Tupper N., Baines G. (2002) Forest fires in Indonesia: impacts and solutions / In C. J. Pierce Colfer, I. A. P. Resosudarmo (Eds.). Which way forward? People, forests and policymaking in Indonesia (1 ed., pp. 293–308). Resources for the Future.
8. British Petroleum Data, 2022. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights/press-releases.html>
9. Cribb R. B., Kahin A. (2004) Historical dictionary of Indonesia. Scarecrow Press.
10. Gylfason T. (2001) Natural resources, education, and economic development // European Economic Review. Vol. 45. Pp. 847–859. DOI:10.1016/S0014-2921(01)00127-1
11. Indonesia's economic growth is being held back by populism (2019) URL:

<https://www.economist.com/asia/2019/01/17/indonesias-economic-growth-is-being-held-back-by-populism>

12. Lindblad J. T. (2008) Bridges to new business: The economic decolonization of Indonesia. NUS Press.
13. Nigeria Data portal, 2022. URL: <https://nigeria.opendataforafrica.org/>
14. PwC Data and analytics, 2022. URL: <https://www.pwc.com/us/en/services/consulting/analytics.html>
15. Ross M. (2010) How does natural resource wealth influence civil war? / University of California at Los Angeles Political Science Department, Los Angeles.
16. Ross M. L. (2003) Nigeria's oil sector and the poor / Position Paper for DFID-Nigeria, UCLA, Los Angeles.
17. Ross M. L. (2015) What have we learned about the resource curse? // Annual review of political science. Vol. 18. Pp. 239–259. DOI:10.1146/annurev-polisci-052213-040359
18. Sachs J. D., Warner A. M. (2001) The curse of natural resources // European economic review. Vol. 45. №. 4–6. Pp. 827–838. DOI: 10.1016/S0014-2921(01)00125-8
19. The high cost of red tape in Nigeria (2017) URL: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2017/08/24/the-high-cost-of-red-tape-in-nigeria>
20. Thee K. W. (2006) Policies for private sector development in Indonesia / ADBI Discussion Paper. №. 46. Asian Development Bank Institute, Tokyo.
21. Thee K. W. (2011) Understanding Indonesia: the role of economic nationalism // Journal of Indonesian Social Sciences and Humanities. Vol. 3. Pp. 55–79. DOI: 10.14203/jissh.v3i1.46
22. Transparency International, 2022. URL: <https://www.transparency.org/>
23. Tule M. K. (2019) Economic Growth in sub-Saharan Africa-Stylised Facts / In: The dynamics of economic development in Africa. West African Institute for Financial and Economic Management (WAIFEM) Pp. 19–40.
24. Tule M. K., Osude D. (2014) Oil price shocks and real exchange rate movement in Nigeria // Economic and Financial Review. Vol. 52. №. 1. Pp. 29–45.
25. Tule M. K., Salisu A. A., Chiemekwe C. C. (2019) Can agricultural commodity prices predict Nigeria's inflation? // Journal of Commodity Markets. Vol. 16. DOI: 10.1016/j.jcomm.2019.02.002
26. World Bank Open Data, 2022 URL: <https://data.worldbank.org/>

Comparative analysis of the development of Indonesia and Nigeria in the context of the "resource curse"

Victor N. Kirillov,

Dr. Sc. (Economics), Professor, Professor of the Department of World Economy and International Economic Relations of the State University of Management, Moscow, Russia

Anton D. Balakin,

Intern at the Institute of Market Problems of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The article is a comparative analysis of the Republic of Indonesia and the Federal Republic of Nigeria in the context of the "resource curse". Noting the similarity of the countries in the

resource aspect — the presence of diverse and rich reserves of mineral raw materials, as well as a number of other parameters (demographic, historical, economic) — the authors note the existence of significant differences in the economic policies of both countries and, as a result, in the results of this policy. In particular, the authors note that Nigeria, unlike Indonesia, could not become a new industrial country with high-quality institutions and a low probability of intra-state conflicts. Indonesia is characterized by a great success of development due to a reasonable policy of redistribution of resources from oil production: economic growth in Indonesia was accompanied by structural transformations, reduced dependence on the raw materials sector and active industrial development. Thus, having conducted a comparative analysis of the economic development of Indonesia and Nigeria, the authors conclude that the greater or lesser success of the socio-economic development of the country depends largely on the quality of economic policy and institutions, and not on the availability of natural resources and external "development assistance".

Keywords: *Indonesia, Nigeria, "resource curse", developing countries, economic growth, poverty, macroeconomic stabilization.*

JEL codes: *E23, L69, O14, P27.*

Современный политико-экономический контекст развития Габона: валюта как инструмент суверенитета, геополитическое и экономическое оружие

Нджелассили Франсуа¹

В статье обосновывается необходимость имплементации экономической независимости африканских стран через эмиссию собственной валюты. Представляет научный интерес анализ возможностей и направлений преодоления слабости и хрупкости экономиками африканских государств, таких как Габон, использующих колониальную валюту, через отказ от «колониальной валюты». Это даст возможность — как минимум, потенциальную — развивающимся странам Африки упрочить свою экономическую независимость и стабильность. В то же время ряд наименее развитых государств Африки сталкивается с объективными трудностями в создании собственной национальной денежной единицы. В статье автор обосновывает точку зрения о необходимости и целесообразности формирования единой валюты стран африканского континента — «афро» валюты.

Ключевые слова: Африка, Габон, колониальная валюта, региональная валюта, зона Франка КФА, экономическое развитие.

JEL коды: E42, E52, E58.

Введение

Международные валютно-финансовые отношения сегодня остаются одной из важнейших форм международных экономических отношений. Валюты — национальные, региональные, международные — обслуживают все остальные формы международных экономических отношений (МЭО), и прежде всего — международную торговлю. Со своей стороны, они также выступают объектом МЭО, они обеспечивают национальный суверенитет стран и создают возможности к достижению этими странами долгосрочного устойчивого социально-экономического развития.

Но не все государства (по разным причинам) имеют возможность эмитировать собственную валюту. Некоторые развивающиеся страны Африки, богатейшего с точки зрения минеральных и энергетических, а также природных и рекреационных ресурсов, континента, и сегодня, в XXI в., в своих расчетах на национальном и региональном уровнях по-прежнему используют «колониальную» валюту — франка КФА, несмотря на то, что формально эти государства, например, Габон, освободились от колониальной зависимости еще в середине прошлого века. Удивительно ли, что страны, не имеющие своей национальной валюты, остаются и наименее развитыми?

¹ *Нджелассили Франсуа* — аспирант кафедры экономики и менеджмента, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Стоит отметить, что вопросы, касающиеся зоны франка КФА неоднократно исследовались, но преимущественно лишь африканскими авторами (Amin, 1974; Bonizzi, 2013; Dafe, 2017). Эти и другие авторы приходят к выводу о том, что страны Глобального Юга не могут влиять на мировой финансовый цикл, объемы финансовых потоков и процентные ставки (Koddenbrock, Sylla, 2019), что наносит этим странам существенный экономический ущерб и тормозит их социально-экономическое развитие.

Цель статьи — обоснование необходимости и целесообразности формирования региональной валюты стран африканского континента — «афро» валюты.

Результаты исследования

Габон — страна, расположенная в Центральной Африке, в западной ее части. Государство стало независимым в «Год Африки» (1960 г.), а до этого на протяжении длительного периода времени сохраняло колониальную зависимость от Франции.

Сегодня экономика Габона — страны с доходами чуть выше среднего — остается слабо растущей, даже по сравнению с региональными государствами (рис. 1).

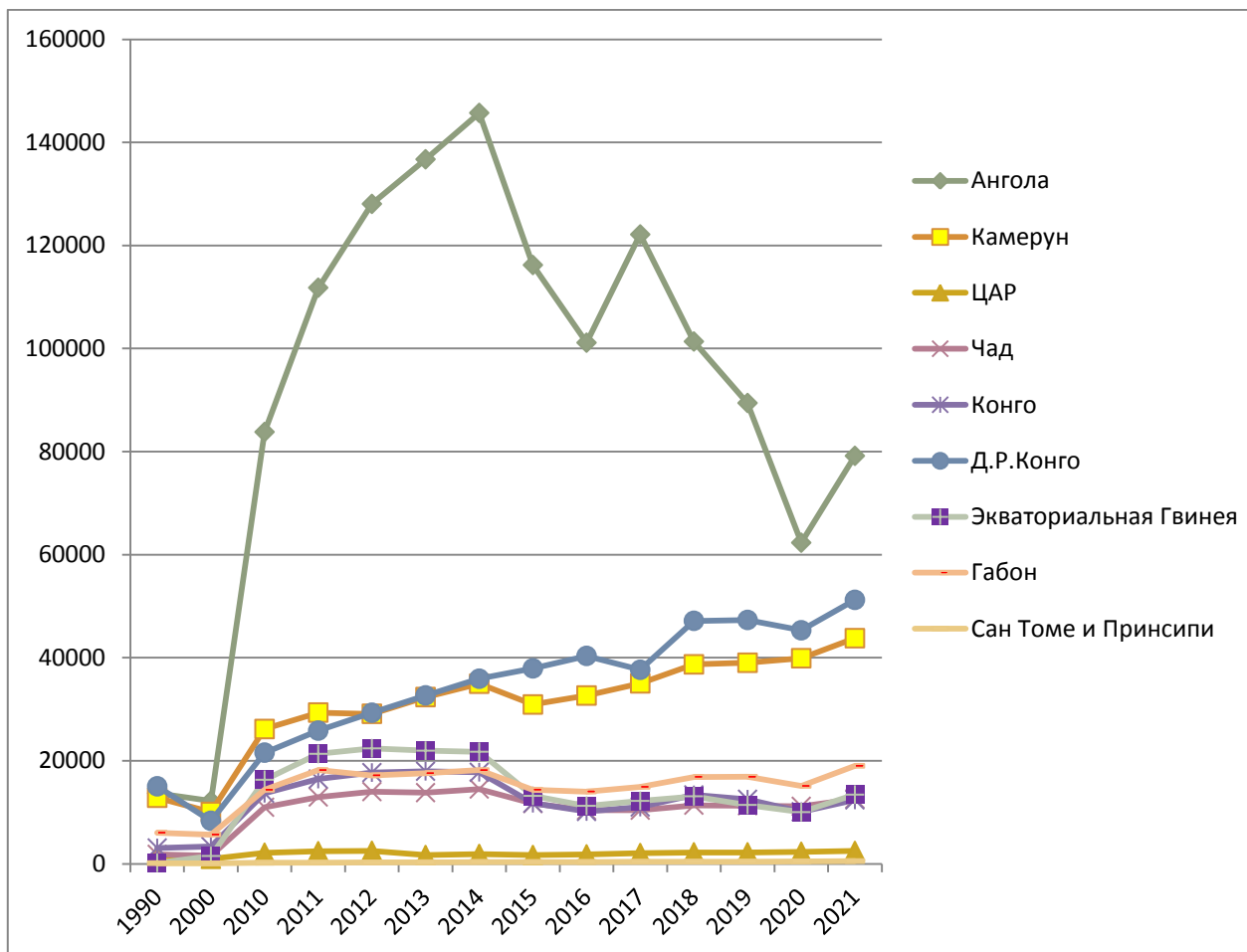

Рис. 1. Динамика производства ВВП в странах Центральной Африки в 1990–2021 гг., млн долларов.

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

Как видно из рис. 1, в 2021 г. страна занимала 4-е место в группе центральноафриканских стран по стоимостному объему произведенного ВВП. Это практически ее традиционное положение в XXI в. После сокращения ВВП в 2020 г. примерно на 1,8%, в 2021 г. экономический рост восстановился и оценивался в 1,5% рост ВВП. Согласно оценке МВФ, рост ВВП Габона может ускориться в 2022 г. до 3,9%, с последующей стабилизацией в 2023 г. на уровне 3,2% (табл. 1).

Таблица 1.

Динамика основных макроэкономических показателей Габона в 2019–2021 гг.
и прогноз до 2023 г., млрд долларов и %

	2019	2020	2021	2022	2023
ВВП (млрд долларов США)	16,88	15,34	18,29	19,63	20,29
ВВП (в постоянных ценах, ежегодное изменение в %)	3,9	–1,8	1,5	3,9	3,2
ВВП на душу населения (долларов)	8,111	7,277	8,569	9,084	9,277
Валовой государственный долг (в % от ВВП)	59,8	77,4	72,1	63,7	62,7
Уровень инфляции (%)	2,0	1,3	1,1	2,9	2,6
Текущий счет (млрд долл. США)	–0,15	–0,92	–0,69	–0,40	–0,51
Текущий счет (в % от ВВП)	–0,9	–6,0	–3,8	–2,0	–2,5

Источник: World Economic Outlook, 2021.

Но это восстановление экономики остается неустойчивым из-за высокой ее зависимости от мировых рынков и глобальных трендов (Габон экспортирует углеводороды), а также, по нашему мнению, из-за сохранения в обороте в качестве национальной валюты в Габоне, как и в некоторых других странах Центральной и Западной Африки (бывших французских колониях), Франк КФА (*Franc CFA*). Это африканский франк, но «изобретенный» на основе французской национальной валюты (франка) в 1945 г., он так и переводится «франк для колоний Франции». Сегодня франк КФА находится в обращении в 14 африканских странах как национальная валюта и обслуживает более чем 160 млн человек, проживающих в этих странах. При этом Франция — единственная страна мира, которая совершила этот «подвиг»¹. Сегодня франк КФА фиксирован по отношению к стоимости евро и доллара, и страны Африки не могут влиять на эту стоимость, как и на процесс ее формирования.

Франк КФА используется также и как региональная валюта, а страны, применяющие ее, представляют собой так называемую «зону франка КФА». Стоит отметить, что все страны, которые используют франк КФА, остаются бедными с момента освобождения от колониальной зависимости и по сей день. Многие авторы определяют использование навязанного Францией африканским странам франк КФА, и с этим можно согласиться, как вопиющий пример неокOLONIALИЗМА, сохраняющегося до настоящего времени (Taylor, 2019), а некоторые говорят о «монетарной репрессии» со стороны Франции в отношении стран Африки и о «финансовом подчинении» последних (Koddenbrock, Sylla, 2019), а значит, и об их финансово-экономической зависимости от Франции и ЕС в целом.

По нашему мнению, государства «зоны франка КФА» теряют свой доход именно из-за использования этой валюты. Дело в том, что, не печатая валюту в собственной стране, они

¹ Денежные отношения между Францией и африканскими странами начались почти 2 столетия назад до появления франка КФА. Еще в середине 1820-х гг., при Карле X, монеты с надписью «Французские колонии» использовались в качестве расчетной единицы на острове Горе в Сенегале (ВСЕАО 2012; Antoine, 1986, 176–177).

поставлены перед необходимостью приобретать ее за рубежом, во Франции, за ресурсы, продаваемые этой стране по ценам ниже рыночных. Поэтому страны Африки и, в частности, Габон, обладая зачастую уникальными ресурсами, не могут реализовать собственный рентный доход.

Кроме того, действует жесткая система контроля: французский банк вместе с государственным казначейством эмитирует франк КФА, затем валюта поступает лишь в африканские банки, управляемые Банком Франции, такие как Центральный Банк Комор, Центральный Банк государств Западной Африки, Центральный Банк Центральной Африки. А эти уполномоченные банки уже распределяют валютные средства далее.

Другими словами, функции контроля над валютными потоками концентрируются во Франции, вне стран Африки. В результате, французский банк имеет возможность отозвать валюту у тех или иных предприятий и даже заблокировать их валютные счета. Курс обмена франка КФА на ресурсы стран Африки также определяет французский банк. При этом курс формируется таким образом, что «съедает» доход предприятий стран Африки от производственной деятельности и региональной торговли (Диабатэ, Холина, 2017). Франция управляет франком КФА и хранит валютные резервы, но официально потоки капитала между Францией и африканской «зоной франка» ограничены. Помимо этого, Франция представлена в органах центральных банков «зоны франка».

Некоторые авторы полагают, что «денежные механизмы франка КФА были разработаны для обслуживания французского (столичного) языка и французских интересов в «бывших» колониях — точно так же, как международная валютная система была создана для обслуживания США» (Garavini, 2012). Согласно официальному подходу, считается, что фиксированный курс обеспечивает монетарную стабильность, ограничивая валютные риски. Этот механизм также сокращает в «зоне франка КФА» транзакционные издержки.

С другой стороны, «Свободный перевод доходов и капитала облегчает утечку экономических излишков из «бывших» колоний в «бывшую» метрополию, а также создает институциональную среду, в которой французский капитал может свободно инвестировать и не инвестировать» (Gulde, Tsangarides, 2008, p. 55). Все это обеспечивает возможности свободного перетока финансов из «бывших» колоний Франции в ее национальную экономику. Что касается централизации валютных резервов, то это облегчает конвертируемость франков КФА и представляет собой своего рода подушку безопасности для французского казначейства (Koddenbrock, Sylla, 2019).

Мы поддерживаем точку зрения Диабатэ Вассиафа (Диабатэ, Холина, 2017), который проводил исследование в отношении Кот-Д'Ивуара и обосновал вывод о том, что региональную валюту в Африке нужно формировать на основе валютной корзины, а также с учетом правил выпуска СДР (специальные права заимствования МВФ). Вступление ЮАР в интеграционную группу БРИКС позволяет дать оптимистичный прогноз о возможности формировании такой валюты. Например, эта новая валюта может в качестве валютной корзины использовать валюту всех участников, а их соотношение считать по доле взаимной торговли.

Выводы

В завершение наших размышлений над вопросом, касающимся функционирования африканских экономик в целом, и нынешнего положения в Габоне в частности, перед лицом

глобальной геополитической ситуации на данный момент, на наш взгляд, необходимо создать политические, экономические и социальные механизмы, которые придали бы смысл давно обретенной независимости африканских стран, а также подлинному суверенитету и независимости этих государств после 600 лет угнетения. Выход из сложившейся ситуации мы видим в формировании региональной валюты.

Однако существуют и специфические ограничения, которые испытывают страны «зоны франка КФА». Они достаточно радикальны и связаны с отсутствием автономной денежно-кредитной политики: поскольку обменный курс привязан к евро, а центральные банки более или менее обязаны следить за тем, чтобы операционный счет был профицитным, обменный курс, контролируемый французским казначейством, не может колебаться, чтобы приспособиться к конкретному экономическому циклу. Страны, на территории которых распространен франк КФА, испытывают затруднения в финансировании и кредитовании своих предприятий, инфраструктурных и социальных проектов.

Список литературы

1. Диабатэ В., Холина В. Н. (2017) Региональная интеграция в Африке: динамика внутрирегиональной торговли в 1990–2015 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. Т. 25. № 2. С. 159–167. [Diabate V., Kholina V. N. (2017) Regional integration in Africa: dynamics of intraregional trade in 1990–2015 // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics. Vol. 25. No. 2. Pp. 159–167. (In Russian).]
2. Amin S. (1974) Accumulation on a World Scale: A Critique of the Theory of Underdevelopment. Vols. 1 and 2. New York: Monthly Review Press.
3. Antoine R. (1986) L'histoire curieuse des monnaies coloniales. Nantes: ACL.
4. BCEAO (2012) (Banque Centrale des États de l'Afrique de l'Ouest). Chronologie des événements marquants de l'histoire de la BCEAO et de l'UEMOA. URL: https://www.bceao.int/sites/default/files/inline-files/chronologie_des_evenements_marquants_de_l_histoire_de_la_bceao_et_de_l_umoa.pdf.
5. Bonizzi B. (2013) Financialization in Developing and Emerging Countries // International Journal of Political Economy. Vol. 42. Is.4. Pp. 83–107. <https://doi.org/10.2753/IJP0891-1916420405>
6. Dafe F. (2017) The Politics of Finance: How Capital Sways African Central Banks // The Journal of Development Studies. Vol. 55. Is. 2. Pp. 311–27. <https://doi.org/10.1080/00220388.2017.1380793>
7. Garavini G. (2012) After Empires: European Integration, Decolonization, and the Challenge from the Global South 1957–1985. Oxford: Oxford University Press.
8. Gulde A. M., Tsangarides C. G. (2008) The CFA Franc Zone: Common Currency, Uncommon Challenges. Washington, DC: IMF.
9. Koddenbrock K., Sylla N. S. (2019) Towards a political economy of monetary dependency: The case of the Franc CFA. maxpo discussion paper No. 19/2.
10. Taylor I. (2019) France à fric: the CFA zone in Africa and neocolonialism // Third World Quarterly. Vol. 40. Is.4. Pp. 1–29. DOI: 10.1080/01436597.2019.1585183

The modern political and economic context of the development of Gabon: currency as an instrument of sovereignty, geopolitical and economic weapons

Francois Ngelassili,

*Postgraduate student of the Department of Economics and Management, Ural Federal University
named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
(Origin from Gabon)*

The article discusses the need to implement the economic independence of African countries through the issuance of their own currency. Of scientific interest are the possibilities and directions of overcoming weakness and fragility by the economies of African states, such as Gabon, using the colonial currency. At the same time, a number of least developed Countries face objective difficulties in creating their own national monetary unit. In the article, the author substantiates the point of view about the necessity and expediency of forming a regional currency of the countries of the African continent — the "Afro" currency.

Keywords: *Africa, Gabon, colonial currency, regional currency, Franc zone, economic development.*

JEL codes: *E42, E52, E58.*

Foreign investors and the Russian oil and gas industry in the context of American and European sanctions 2014-2022

*Damir A. Abdullaev*¹

The article discusses issues related to the possible transformation of the Russian investment model in the oil and gas industry in the context of anti-Russian sanctions. These sanctions were imposed by the countries of the European Union and several other states, following the United States, back in 2014. The sanctions largely affect the Russian oil and gas complex, as they include serious restrictions on the supply of equipment, technologies, and financing for the Russian oil and gas complex to the Russian Federation. At the same time, being the leading segment of the Russian economy, the oil and gas complex, which is experiencing serious sanctions pressure, has an impact on the state of the entire national economy of Russia. In 2022, the sanctions pressure on the Russian energy complex was significantly increased. The article analyzes the current state and prospects for the development of economic relations between Russia and the largest consumers of energy resources, including China and India.

Key words: *Russian economy, new investment projects, sanctions, COVID-19 pandemic, favorable investment climate, current geopolitical situation, political and economic sovereignty.*

JEL codes: *P28, Q35, Q37.*

Introduction

Economic sanctions in world trade in the 21st century have become widespread both in relation to countries under sanctions and segments of their economies. Imposed exclusively by Western countries, led by the United States, economic sanctions remain, as a rule, ineffective, as many researchers note (Меланьина, 2019). At the same time, they destabilize the global economic space, international economic relations and contradict both international laws in general and WTO rules in particular.

Our country has been facing sanctions pressure for almost more than 100 years. In different periods of our history, different sectors of the domestic economy have experienced economic sanctions. Their goal has always been to reduce economic and social progress, reduce economic growth, and prevent our country from achieving high results in world trade. All this was supposed to ensure that Western "partners" achieve their political goals.

However, in the 21st century, due to the gradual economic decline of the United States and the Western world as a whole, their anti-Russian struggle has become more aggressive. Having found a formal reason in 2014 in connection with the return of Crimea to its native harbor, the United States, the EU and some other countries imposed very tough sanctions against the domestic economy. Their important component was the pressure on the Russian energy sector as the main segment and driver of the socio-economic progress of the Russian Federation.

¹ *Abdullaev Damir Abdullaevich* — Postgraduate student, Department of Global Energy Policy and Energy Security, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia, Moscow.

What are the results of this pressure? The article attempts to answer this question.

Results

In the last quarter of the 20th century, scientific research on economic sanctions intensified. Some authors substantiate the point of view that “A target and imposing economic sanctions is a random process that occurs when a sender is faced with a real or perceived threat. Sanctions are imposed as an alternative to inaction or going to war. The theory and research on effectiveness of sanctions has been a mere exercise in running regressions on a series of random numbers and do not shed any light to guide policymaking” (Siamack, Root, 2013). Others believe that “...if real rates of return to the abundant factor decline during sanctions against a trade-open country, or real rates of return to the scarce factor decline during sanctions against a trade-closed country, we expect these economically and politically powerful segments of the targeted country to push hard for policy changes that would bring about an end to sanctions” (Lektzian, Patterson, 2015). But in general, scientific research confirms that “Economic sanctions have been referred to as a blunt instrument that the international community has often wielded without full consideration of the impact that these measures will have on the population of the targeted countries, particularly the weakest elements of society” (Allen, Lektzian, 2013).

Many researchers in Russia and abroad have been analyzing for a number of years the economic sanctions imposed by Western countries in general against many countries of the world, against Russia in particular, including those applied against the Russian energy sector. Oil and gas industry is a cross-cutting sector of Russian economy and includes the processes of extraction, processing, transportation and distribution of fuel. Oil and gas complex remains the powerhouse of Russian economy which facilitates growth of other industries and the social sphere in the country as well as strengthening its positions in the world market. Oil and gas sector is of particular importance for Russia because, firstly, oil and gas revenues make up a large part of the country's budget revenue, secondly, much of the country is located in the northern part that necessitates heating and overcoming harsh climatic conditions through production of energy recourses (Эскиндарова и др., 2022), including petroleum products that are used for heating either blocks of flats or production premises.

Sanctions against Russia's energy sector have been imposed openly since 2014 by EU states and the United States. The sanctions implied a ban on the supply of equipment for deep mining (more than 152 meters), the development of the Arctic shelf and shale oil and gas reserves (РБК, 2014), as well as the creation of other problems for the Russian energy sector. For example, the price of BRENT crude oil reached a minimum level in 2016 and did not return to the previous level until 2019 inclusive, which many researchers consider as a result of joint actions of the US and the EU that brought down the world oil market (Соловьёва, Черняев, 2020). As a result, the revenues of the Russian Federation from oil and gas exports decreased, which led to a decrease in the country's GDP since 2014. Until 2020, the country's GDP has not returned to the level of 2014. Thus, the historical maximum of GDP production in Russia was reached in 2013 (see Fig. 1). It is worth noting that in 2012–2013 the economy of the Russian Federation ranked 8th in the world ranking. Some authors believe that this circumstance, rather than political aspects, was the reason for the introduction of anti-Russian sanctions (Melanina, 2016).

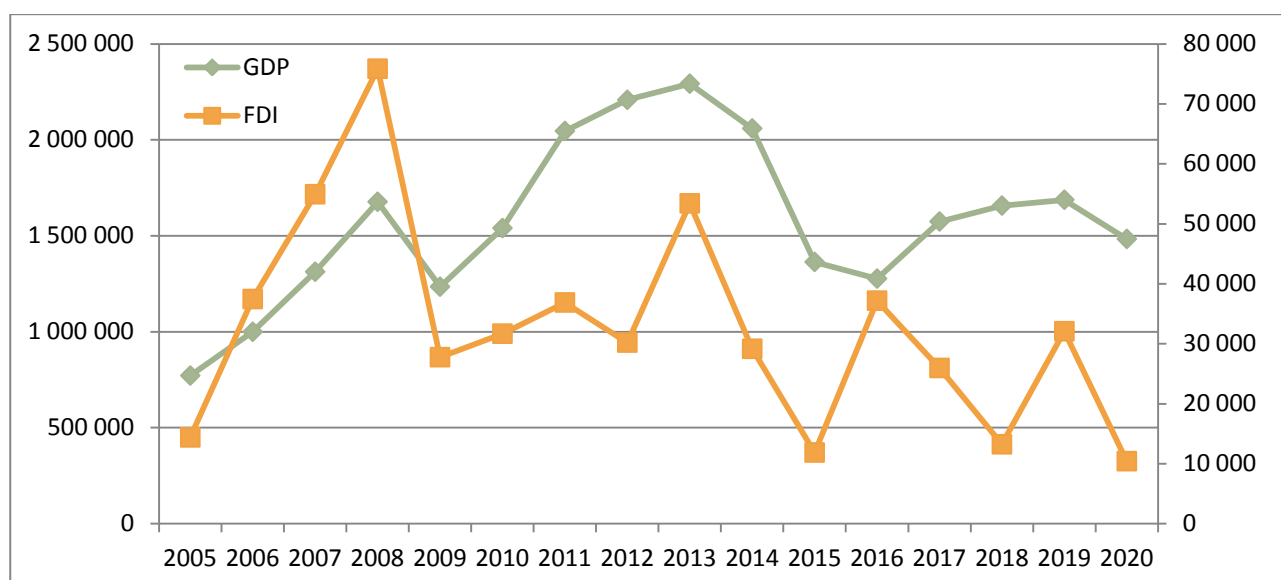

Fig. 1. Dynamics of Russia's GDP (right axis) and Foreign direct investment inflows into Russia (left axis) in 2005–2020 in millions of US dollars.

Source: UNCTAD.

The inflow of foreign direct investment into Russia has decreased even more sharply since 2014, the trend of which shows significant volatility (see Fig. 1).

Despite the fact that the most significant new mining licenses in Russia belong to large state corporations such as Rosneft and Gazprom, the search for a strategic partner is an essential condition for them in the context of new investment projects in the absence of their own technological platform and high dependence on foreign aid.

However, unlike other sectors of the economy, the exploitation of the hydrocarbon industry is carried out on the basis of Federal Law No. 57-FZ of April 2008 "On the Procedure for Foreign Investments in Business Entities of Strategic Importance for Ensuring the Country's Defense Capability and State Security" — Federal Law from the Law coordinates the positions on operations of foreign investors in relation to the approach to control measures in order to prevent threats to the country's defense capability and state security. In short, the law is aimed at excluding and preventing any negative impact of unscrupulous foreign investors on most sensitive sectors of the country's economy (АКИМОВА, СИМАКОВА, 2019).

In the context of the implementation of the law, traditional model of economic corporation between national companies and foreign contractors is held through the following State's monitoring mechanism: the first take a stake in the charter capital in the amount of 51 percent, while the share of the latter could not exceed 49 percent. Besides the system of the division into shares (contributions) of the founders, each transaction involves the examination of a vast array of documents describing the rights and obligations of parties. Foreign investors act as modern technology suppliers while domestic companies have a competitive advantage in the receipt of the greatest benefit from local suppliers and the possible solutions typical for domestic market (Горбунова, 2018).

However, as a result of the return of Crimea by the Russian Federation in 2014, the Russian economy was in a state of constant change to adapt to new realities under sanctions due to the ban on long-term debt financing of oil and gas companies and signals of withdrawal from the Russian market for foreign investors (Горбунова, 2018). In addition, the problems associated with sanctions

are aggravated by the highest level of volatility of the energy market and the COVID-19 pandemic, which together transformed the activities of oil and gas companies into the format of new business realities. Despite the fact that the inflow of FDI into the Russian economy in 2021 increased 4 times compared to last year, the new figure of 39.2 billion US dollars did not exceed the 69.2 mark reached in 2013.

Given the low growth rates of the global economy, along with the current problems of attracting foreign capital, it becomes important for Russia to promote its own national interests in order to eliminate technological and financial barriers in the face of sectoral sanctions from the European Union and the United States (Сочнева, Ломакина, 2016).

The investment attractiveness of the oil and gas sector for foreign investors is becoming an important indicator influencing the development of the industry by maintaining its innovative and technological components in accordance with global investment trends. At the same time, the Russian oil and gas sector is often characterized by capital deterioration of infrastructure and assets, technological lag and a high level of dependence on foreign equipment.

Enhanced cooperation between «Rosneft» and Asian corporations under anti-Russian sanctions is a new phase of investment dialogue in the energy sector, characterized by increased foreign capital inflows to major petroleum projects. In pursuit of openness of the economy, global confidence increase, the need for foreign investment in Russian economy is still great (Шкваря, 2017). However, to respond to crisis situations in the domestic economy effective investment cooperation in all areas of national economy is required. There is a widespread misconception that Chinese companies will regard Russian domestic industry as a priority because in precisely those branches where China is a net importer (for example, in agriculture and energy production), the country will invest in Russia to import more Russian food products and energy commodities (Любимов, 2022). The active participation of China in global economic integration is motivated by desire to achieve deeper economic collaboration with other countries and a win-win result for itself (Шкваря, 2021). By purchasing energy resources at low prices with country partners, and besides investing in appropriate foreign companies (projects) including Russian, China will be able to reduce the cost of finished energy products and enhance competitiveness and productivity growth in the global market exporting its higher value-added goods increasingly larger amounts to the same States which supplying China raw materials (США опубликовали свой список ... РБК, 2014). Therefore, many aspects of Russian-Chinese partnership under sanctions reveal a sharply contrasting picture.

Deepening and expanding sanctions policies of the United States of America and the European Union against Russia is being held for 8 years and has reached its peak in 2022 due to the Ukrainian special operation. Guided by political vision, many foreign firms have announced temporary shutdowns of stores and factories in Russia. However, this is not the same as the removal of assets from Russian business (although the examples of such activities already exist) but rather making no new investments in Russian projects. Many companies are ready to return right away after the normalization of the political and economic situation in the country. Despite a government assignment to grant soft loans for small and medium-sized business operated on franchise model which will replace foreign companies that have left Russian market (Путин поручил давать льготные кредиты... РБК, 2022).

If in the early stages of the sanctions policy against Russia mainly joint ventures in oil and gas sector were shut down, current political realities have affected joint projects implementing within the framework of the Production Sharing Agreement. As operator of Sakhalin-1, ExxonMobil in response to recent events is beginning the process to discontinue operations and

develop steps to exit the Sakhalin–1 venture. At the same time this process will be lasting as company's role as operator goes beyond an equity investment. It is obliged to ensure the safety of people, protection of the environment and integrity of operations (ExxonMobil, 2022). Nevertheless, nowadays a number of Indian state energy companies represented by ONGC Videsh (IOC.NS), Bharat Petro Resources, a subsidiary company of Hindustan Petroleum Prize Petroleum, Oil India and GAIL are considering the possibility of acquiring a stake of ExxonMobil at Sakhalin-1 and other joint projects with foreign participation. However, in this case, it is difficult to talk about equitable cooperation between the parties as Indian companies hope to acquire the stake in Russian projects at discounted rates given a political risk and characterizing potential deals as sales in a crisis (Любимов, 2022). The desire of India to purchase Russian oil at a low price relates to the fact that the US and the EU have blocked payments to Indian exporters worth about 500 million US dollars for the goods already shipped to Russia (Индия просит госкомпании ...Reuters, 2022). Moreover, Indian corporations are in search for the best investment model that can be implemented in Russian market as there are concerns that potential investors can simply «get stuck in Russia» and sanctions can affect Russian oil supplies to India (Индия просит госкомпании ...Reuters, 2022).

Conclusions

The temporary Russian economic exclusion cannot be regarded as a reject from foreign investment. Apart from financial resources, foreign direct investors bring new technology and innovation to the economy which is the basis for Russian economy modernization. One of the priorities of this area is the effective development of oil industry, where FDI, first of all, should contribute to increase the refining depth and yield of light petroleum products. In this regard, firstly, the development of well-designed and executed investment strategy aimed at revitalization of foreign investors' activity in Russian oil and gas sector is required. Secondly, the legal support of foreign investors determining their operating conditions in Russia and guaranteeing the protection of the rights as well as possible. Thirdly, the determination of main areas and implementation of the relevant measures aimed at creating favorable investment climate for foreign direct investors participation in Russian oil and gas industry. Even in terms of current geopolitical situation Russia is open to work with all potential partners, and partners who want to do it too. The rights and legal interests of foreign participants will be safely protected (Любимов, 2022).

Ideology is the most important value in the European Union. With the social sphere suffers problems, state authorities will have to look at the situation more broadly. Therefore, even if lifting the sanctions against Russia is not expected, anyway, a leniency regime will be estimated at least in Europe if it doesn't finally transfer its political and economic sovereignty to the United States.

Despite its high interest in foreign investment, Russian oil and gas sector should not completely depend on foreign partners. Truly historical times for Russia require making the right decisions and dedicate to domestic economic development in order to promote the energy dialogue with an equal voice in future.

References

1. Акимова И. В., Симакова К. В. (2019) Новеллы в сфере контроля за осуществлением иностранных инвестиций в стратегические отрасли экономики // Российское контрактное право и экономика. №. 3 (19). С. 31–35. [Akimova I. V., Simakova K. V. (2019) Novelties in the sphere of control over the implementation of foreign

investments in strategic sectors of the economy // Russian Contract Law and Economics. No. 3 (19). Pp. 31–35. (In Russian.)]

2. Горбунова О. А. (2018) Воздействие санкций на функционирование российских компаний нефтегазового сектора на мировом рынке нефти и газа // Вестник евразийской науки. Т. 10. №. 2. С. 13. [Gorbunova O. A. (2018) The impact of sanctions on the functioning of Russian oil and gas companies in the global oil and gas market // Bulletin of Eurasian Science. Vol. 10. No. 2. P. 13. (In Russian).]

3. Любимов И. (2022) Нет, это не 90-е // Новая газета. № 29 от 21 марта [Lyubimov I. (2022) No, it's not the 90s // Novaya Gazeta. No. 29, March 21. (In Russian).] URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2022/03/18/net-eto-ne-90-e>

4. Меланьина М. В. (2019) Экономические санкции в мировой экономике: теоретические аспекты / В сборнике: Мировая экономика в XXI веке : Value and Values. сборник материалов Международной научно-практической конференции. отв. ред. И. А. Айдрус. С. 100–104. [Melanyina M. V. (2019) Economic sanctions in the world economy: theoretical aspects / In the collection: The World economy in the XXI century : Value and Values. collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. ed. by I. A. Aidrous. Pp. 100–104. (In Russian).]

5. Путин поручил давать льготные кредиты при замещении иностранных компаний. РБК, 2022. [Putin instructed to give preferential loans when replacing foreign companies. RBC, 2022. (In Russian).] URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/62697cc49a79472497f950c3>

6. США опубликовали свой список энергетических санкций для России. РБК, 2014. [The US has published its list of energy sanctions for Russia. RBC, 2014. (In Russian).] URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/08/2014/570420469a794760d3d40846>

7. Индия просит госкомпании рассмотреть покупку долей в «Роснефти» и «Сахалине-1». Reuters, 2022. [India asks state-owned companies to consider buying shares in Rosneft and Sakhalin-1. Reuters, 2022. (In Russian).] URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2022/04/28/920340-indiiskie-goskompanii-mogut-rassmotret-pokupku-dolei-v-rosnefti-i-sahaline-1>

8. Соловьёва Ю. В., Черняев М. В. (2020) Факторы, влияющие на формирование цены на нефть марок BRENT и URALS // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. № 4. С. 73–85. [Solovieva Yu. V., Chernyaev M. V. (2020) Factors influencing the formation of the price of BRENT and URALS crude oil // STAGE: economic theory, analysis, practice. No. 4. Pp. 73–85. (In Russian).]

9. Сочнева И. О., Ломакина О. В. (2016). Влияние секторальных антироссийских санкций на возможность геолого-разведовательного бурения в арктических морях // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). Т. 7. №. 4 (28). С. 155–160. [Sochneva I. O., Lomakina O. V. (2016). The impact of sectoral anti-Russian sanctions on the possibility of geological exploration drilling in the Arctic seas // MIR (Modernization. Innovation. Development). T. 7. No. 4 (28). Pp. 155–160. (In Russian).]

10. Шкваря Л. В. (2017) Российско-европейские инвестиции: динамика и структура в условиях санкций // Вестник Рудн. Серия: Экономика. Т. 25. № 2. С. 189–198. [Shkvarya L. V. (2017) Russian-European investments: dynamics and structure under sanctions // Bulletin of the Rudn. Series: Economics. Vol. 25. No. 2. Pp. 189–98. (In Russian).]

11. Шкваря Л. В. (2021) Инициатива «Один пояс, один путь»: обзор концептуальных подходов и задач для России // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 7. № 2. С. 355–

364. [Shkvarya L. V. (2021) Initiative "One belt, one way": Review of conceptual approaches and tasks for Russia // Geopolitics and ecogeodynamics of regions. Vol. 7. No. 2. Pp. 355–364. (In Russian).]

12. Эскиндарова М. А., Шаркова А. В., Меркулина И. А. (отв. ред.) (2022) Экономика и финансы топливно-энергетического комплекса. М.: Кнорус. 448 с. [Eskindarova M. A., Markova A. V., Merkulina I. A. (eds.) (2022) Economics and finance of the fuel and energy complex. Moscow: Knorus. 448 p. (In Russian).]

13. Allen S. H., Lektzian D. (2013) Economic sanctions. A blunt instrument? // Journal of Peace Research. Vol. 50. Is. 1. Pp. 121–135. DOI: 10.1177/0022343312456224

14. ExxonMobil (2022). ExxonMobil to discontinue operations at Sakhalin-1, make no new investments in Russia. URL: https://corporate.exxonmobil.com/News/Newsroom/News-releases/2022/0301_ExxonMobil-to-discontinue-operations-at-Sakhalin-1_make-no-new-investments-in-Russia

15. Lektzian D., Patterson D. (2015) Political Cleavages and Economic Sanctions: The Economic and Political: Winners and Losers of Sanctions // International Studies Quarterly. Vol. 59. Is. 1. Pp. 46–58. DOI: 10.1111/isqu.12198

16. Melanina M. (2016) The role of sanctions in modern conditions of globalization and their impact on the Russian economy // The Genesis of Genius. № 1. Pp. 16–19.

17. Siamack S., Root P. S. (2013) Effectiveness of Economic Sanctions: Empirical Research Revisited // International Business & Economics Research Journal (IBER). Vol. 12. Is. 11. Pp. 1479. DOI: 10.19030/iber.v12i11.8184

18. UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>

Иностранные инвесторы и российская нефтегазовая отрасль в условиях американских и европейских санкций 2014-2022 гг.

Абдуллаев Дамир Абдуллаевич,

аспирант кафедры глобальной энергетической политики и энергетической безопасности МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с возможной трансформацией российской инвестиционной модели в нефтегазовой отрасли в условиях антироссийских санкций. Эти санкции были введены странами ЕС и рядом других государств вслед за США еще в 2014 г. Санкции в значительной степени затрагивают российский нефтегазовый комплекс, поскольку они включают серьезные ограничения на поставку оборудования, технологий и финансирования российского нефтегазового комплекса в Российскую Федерацию. В то же время, являясь ведущим сегментом российской экономики, нефтегазовый комплекс, испытывающий в течение ряда последних лет серьезное санкционное давление, оказывает влияние на состояние всей национальной экономики России. В 2022 г. санкционное давление на российский энергетический комплекс было значительно усилено. В статье анализируется текущее состояние и перспективы развития экономических отношений между Россией и крупнейшими потребителями энергоресурсов, включая Китай и Индию.

***Ключевые слова:** российская экономика, новые инвестиционные проекты, санкции, пандемия COVID-19, благоприятный инвестиционный климат, текущая геополитическая ситуация, политический и экономический суверенитет.*

***JEL коды:** P28, Q35, Q37.*

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ / WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Эмпирический анализ развития торговли между Китаем и Россией

Бедрина Елена Борисовна¹.
Гао Нан²

В статье проанализировано современное состояние российско-китайской двусторонней торговли. Показано значительное влияние внутренних и внешних экономических и политических процессов на двусторонние торговые потоки в XXI в. Отмечен значительный и устойчивый рост взаимной торговли при несбалансированности его значимости для обеих стран, а также товарной несбалансированности, что, безусловно, нуждается в корректировке со стороны России. В то же время авторы обращают внимание на некоторое уменьшение российского экспорта в Китай необработанного сырья.

Авторы обосновывают точку зрения, что основой роста взаимного российско-китайского товарооборота остается традиционно агрессивная внешнеторговая политика Китая, с одной стороны, и ухудшение условий внешней торговли России на мировом рынке вследствие западных экономических санкций, с другой. Также и Китай сталкивается с некоторыми формами торговой дискриминации со стороны США. В связи с этим КНР трансформирует статус своих внешнеторговых партнеров. Это обстоятельство России следует использовать более активно.

Ключевые слова: Россия, Китай, экспорт, импорт, товарооборот, взаимодополняемость, двусторонняя торговля.

JEL коды: F52, O14, O31, O33.

Введение

До 2014 г. наиболее значимыми внешними рынками импорта и экспорта для России всегда были страны Западной Европы, в основном Европейский союз. Поэтому когда в 2014 г. страны Запада во главе с США ввели экономическую блокаду России, это негативно сказалось на состоянии национальной экономики и внешней торговли страны. С 2013 по 2018 гг. мировая цена на нефть упала более чем на 51%, а российский рубль резко

¹ Бедрина Елена Борисовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры международной экономики, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

² Гао Нан — магистр экономики, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. КНР.

обесценился. Являясь крупным производителем энергоносителей в мире, Россия остается и крупным экспортером энергоресурсов.

С началом 2022 г. экономические санкции против России со стороны европейских и американских стран ужесточались, что снова нарушило как условия российской внешней торговли, так и стабильность мировой торговой системы. По вышеуказанным причинам Россия ускорила корректировку начавшегося с 2014 г. процесса трансформации торгового партнерства и географии торговли.

Китай выступает не только важным торговым партнером Российской Федерации, но и установил хорошие отношения взаимного доверия с Россией в политическом плане. С другой стороны, в 2018 г. США ввели огромные внешнеторговые тарифы для Китая под предлогом чрезмерного торгового дефицита США в двусторонней торговле с применением антидемпинговых мер, и использовали это как возможность спровоцировать китайско-американский торговый спор в попытке обуздать экспортный рынок китайских товаров. В соответствии с этой ситуацией Китай изменяет статус своих торговых партнеров. В этой связи Россия традиционно остается важным партнером Китая в импортной и экспортной торговле в настоящее время и в будущем. Поэтому для России и Китая взаимная торговля и ее развитие имеют большое значение, так как страны обладают высоким торговым потенциалом (Варфаловская, 2018).

В данной статье объектом исследования выступают российско-китайские торговые отношения, предметом исследования — возможности их развития в условиях продолжающихся и ужесточающихся антироссийских санкций. В работе делается попытка провести подробный и глубокий анализ российско-китайской торговли.

Обзор литературы

На протяжении десятилетий многие авторы посвящают свои академические исследования вопросам развития двусторонней торговли между Китаем и Россией. Эта тема остается достаточно востребованной в научной литературе. Анализ научной литературы, посвященной теме взаимной торговли Китая и России, позволил выявить ряд направлений этих исследований.

Прежде всего, стоит отметить научные труды, большинство из которых обосновывают точку зрения о том, что Россия и Китай действительно обладают значительным потенциалом для развития взаимовыгодной двусторонней торговли как с точки зрения взаимодополнения своих экономик, так и в связи с наличием для этого объективных возможностей у обеих стран, среди которых можно отметить: весьма продолжительную общую границу, наработанные традиции во взаимной торговле, развитие транспортно-логистической составляющей сотрудничества и др. Так, Вишал Перри Парк (2005) на основе проведенного им анализа приграничной торговли между Китаем и Россией утверждает, что Китай и Россия имеют объективные возможности, чтобы укрепить приграничные и двусторонние в целом торговые отношения. Отмечается, что «Между Россией и Китаем происходит политическое и экономическое сближение в ряде областей: энергетика, производство вооружений, торговля в национальных валютах и стратегические проекты в области транспорта и вспомогательной инфраструктуры. Это развитие, которому способствуют политика и действия Запада, включая санкции, связанные с Украиной, похоже, усиливается, несмотря на оговорки, сопряженные с непростыми прецедентами,

противоречивыми взглядами и неопределенными экономическими прогнозами» (Malle, 2017).

Второе направление научных исследований касается наличия или отсутствия взаимной выгоды в двустороннем торговом сотрудничестве двух стран. Так, некоторые авторы приходят к выводу о том, что двусторонние отношения больше соответствуют интересам Китая, так как Россия обеспечивает этой стране возможность снижать издержки за счет экспорта своего дешевого сырья, в результате чего Китай получает больше прибыли, а Россия — меньше (Galbraith, 2003). Даже с учетом дискуссионности этого утверждения, некоторыми авторами обосновывается точка зрения о, как минимум, несбалансированности взаимной торговли между Россией и Китаем (Меланьина, 2021), что подтверждает и международная статистика. В результате того, что такая ситуация складывается уже на протяжении как минимум двух десятилетий, промышленный потенциал Китая оказался на сегодня более развитым, чем России, что вызывает обеспокоенность у ряда российских авторов (Савинский, 2017).

Третье направление исследует различные аспекты экономической безопасности сторон во взаимной торговле и — более широко — в двусторонних торгово-экономических отношениях. В этой связи анализируется история двустороннего экономического сотрудничества (Каратаев и др., 2019), которая, несмотря на свою длительность, подтверждает неоднозначность отношения к Китаю в России и к России в Китае на протяжении уже более века. В течение всего этого периода китайская поддержка России, например, на международном экономическом и политическом уровнях, оставалась достаточно нечеткой. В то же время есть и точка зрения о том, что образ Китая в России позитивен, что служит основой для успешного развития двусторонних торгово-экономических отношений (Lukin, 2007). В целом это направление нуждается, на наш взгляд, в дальнейшей проработке, так как пока во взаимных торгово-экономических отношениях сохраняется много субъективных моментов и мнений.

Обзор современной научной литературы показывает высокий интерес к данной тематике, с одной стороны, а также ее актуальность при наличии неисследованных вопросов с учетом быстро меняющихся условий современной мировой экономики.

Результаты исследования

В данной работе рассмотрены особенности развития российско-китайской торговли в 2000–2010 и 2011–2020 гг. для анализа конкурентоспособности и взаимодополняемости структуры двусторонних торговых отношений. Особенно эта тема стала актуальной в период, когда Китай и Россия последовательно присоединялись к ВТО (Хэ, 2013), в связи с чем степень их открытости для внешнего мира еще более усилилась, и появились новые характеристики в масштабах российско-китайской торговли.

С начала нового века быстрое экономическое развитие России и Китая заложило материальную основу для роста двусторонней торговли между странами, как и дальнейшее углубление экономической глобализации. Геополитическая когерентность между Россией и Китаем делает страны взаимосвязанными, а с улучшением транспортных условий для двух стран появляются дополнительные естественные преимущества для участия в региональном экономическом и торговом сотрудничестве. С развитием экономической глобализации Азиатско-Тихоокеанский регион постепенно превращается в важный мировой рынок, и это

уникальное преимущество предоставляет хорошие возможности для двусторонней торговли между Китаем и Россией на современном этапе и в перспективе.

Объем двусторонней товарной торговли между Россией и Китаем устойчиво растет (рис. 1). Он стабилизировался выше отметки в 100 млрд долларов США с 2018 г. и достиг 108 млрд долларов США в 2020 г.

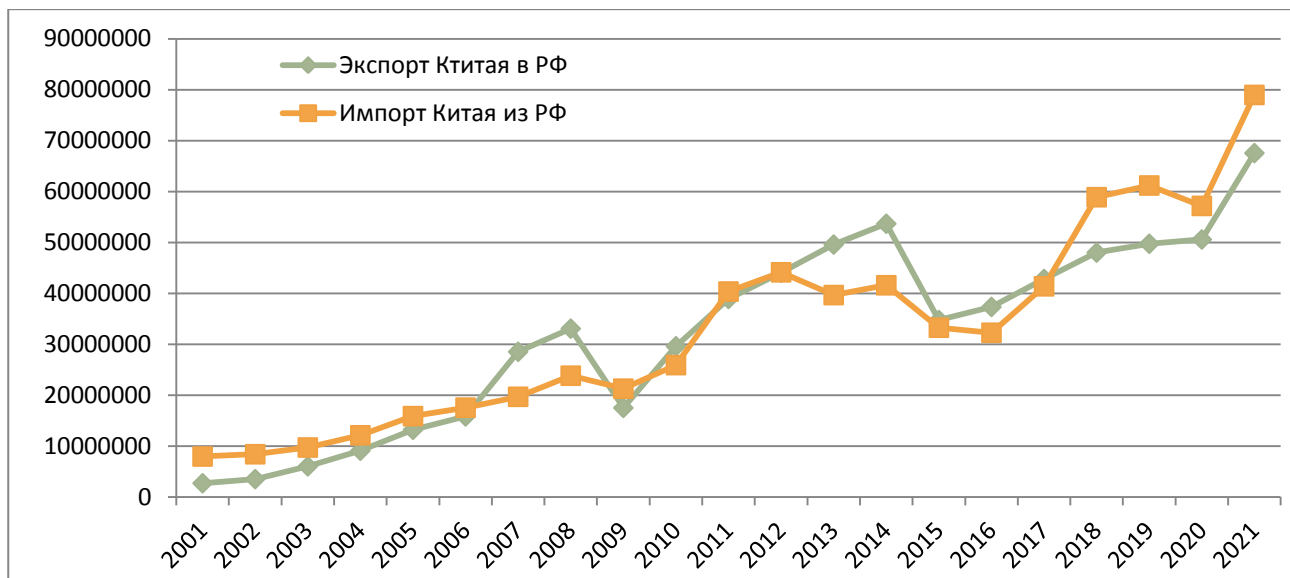

Рис. 1. Динамика экспорта и импорта Китая в/из РФ в 2001–2021 гг., тыс. долл. США. Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД.

Как видно из рис. 1, развитие двусторонней торговли между Россией и Китаем замедлилось с 2008 по 2019 г., а основным фактором, приведшим к снижению стоимости российского экспорта в Китай, стало резкое падение цен на энергетические товары на спотовом международном рынке нефти. Основные причины снижения российского импорта из Китая связаны с тем, что китайские товары потеряли свое ценовое преимущество на российском рынке. В долгосрочной перспективе это не означает снижения уровня экономического и торгового сотрудничества между Россией и Китаем, структура которого в долгосрочной перспективе, по нашему экспертному мнению, останется стабильной, при этом две страны, по видимому, достигнут значительного прогресса в таких областях, как энергетическое сотрудничество, строительство инфраструктуры, финансовое сотрудничество и инвестиции и высокотехнологичные исследования и разработки.

Если говорить о товарной структуре торговли, то можно отметить следующее. В товарном выражении основная доля экспортной торговли России в Китай с 2010 г. до середины 2020 г. приходилась на сырую нефть и минеральные продукты, с общей тенденцией роста с 56,8% в 2011 г. до 71,5% в 2018 г., т. е. рост составил 83,7%, хотя наблюдались колебания в 2014 г. В 2018 г. сырая нефть и минералы, необработанное сырье и сырье с минимальной промышленной обработкой были основными товарами, экспортируемыми из России в Китай, на долю которых приходилось 75,1%, 7,9% и 6,41% от общего объема импорта Китая в Россию соответственно. В 2018 г. самыми быстрорастущими статьями российского экспорта в Китай стали сырая нефть и минералы — 14,68 млрд долларов США, за ними следовали сырьевые товары для промышленности — 1,22 млрд

долларов США. Поставки необработанного сырья снизились более резко, на 3,7% по сравнению с предыдущим годом, что стало результатом проводимой Россией торговой политики.

Согласно имеющимся данным, в период с 2010 г. по 2020 г. в китайской торговле импортными товарами в Россию в среднем 93,38% приходилось на сырьевые товары и 6,62% на промышленные товары, при этом в структуре торговли преобладала продукция ресурсного сектора. Китайский импорт из России — это в основном сырьевые товары, такие как энергоносители и минеральное сырье, что в основном обусловлено обеспеченностью России природными ресурсами. Минеральные продукты, цветные металлы и изделия из них, а также химическая продукция остаются основными экспортными товарами России в Китай.

Основные статьи импорта России из Китая — электромеханическая продукция, текстиль и сырье в 2020 г. — составили 23,67 млрд долларов США и 13,04 млрд долларов США соответственно. Наиболее значительно увеличился импорт транспортного оборудования — более чем на 15%. Три ведущих товара в экспортной торговле Китая в Россию с 2011 по 2020 гг. — это машины и транспортное оборудование, различные промышленные товары и промышленное сырье. Среди них машины и транспортное оборудование демонстрируют тенденцию к росту, с 38,1% в 2011 г. до 46,8% в 2020 г.; доля различных промышленных товаров в основном сохранялась в пределах 30–40%.

С точки зрения товарных категорий, в период с 2011 по 2018 гг. на экспорт Китая в Россию приходилось в среднем 22,59% первичных продуктов и 77,41% промышленных товаров. В целом, западные экономические санкции вызвали значительное сокращение объемов производства в обрабатывающей промышленности России в 2015 и 2016 гг. и, несмотря на относительно сильную государственную поддержку, особенно сильно пострадали производство транспортного оборудования, стали и товаров с высокой добавленной стоимостью, что углубило зависимость России от иностранных поставок в секторе машин и оборудования.

Структура российского и китайского импорта и экспорта определяется фактической экономической и ресурсной структурой экономик России и Китая. Во-первых, Россия — ресурсодобывающая страна, в то время как Китай, хотя и богат ресурсами, но имеет большой ресурсный дефицит и ежегодно импортирует большое количество природных ресурсов, особенно нефти и минерального сырья, с международного рынка. Положительная корреляция между экономическим ростом России и ценами на нефть сильна. Европейский союз, Китай и другие соседние страны и регионы являются основными экспортерами нефтегазовых ресурсов России. В условиях западных экономических санкций (с 2014 г.) Россия увеличила поставки нефти в Китай. Переход на мировые цены на нефть в условиях данной ситуации имел значительный эффект. Во-вторых, недостаточная внутренняя производительность труда в России и относительно высокая стоимость рабочей силы привели к неразвитости сектора легкой промышленности, поэтому Китай имеет сильное сравнительное преимущество в производстве и экспорте трудоемкой продукции в Россию, при этом на различные промышленные товары приходится большая доля торговли России с Китаем.

Помимо внедрения передовых запатентованных технологий из-за рубежа, в Китае растет уровень самостоятельных исследований и разработок, а укрепление сотрудничества с КНР в области высоких технологий стало частью российской стратегии «Взгляд на Восток». При этом «государственная политика Китая направлена на всемерную поддержку

предприятий новых и высоких технологий, технопарковых структур, эффективное развитие экономики страны, ориентирующейся на собственный научно-технический потенциал» (Соловьёва, 2020, с. 48). После эскалации западных санкций против России, запрет на экспорт в Россию технологий и оборудования двойного назначения привел к череде дефицита комплектующих и препятствий для импорта оборудования и машин в ряде российских отраслей, в связи с чем Россия активизировала усилия по поиску новых альтернативных технологий и машин из Китая для заполнения рыночного дефицита. В результате экспорт России в Китай в основном основан на ресурсах, а экспорт Китая в Россию преимущественно состоит из готовой и зачастую высокотехнологичной промышленной продукции.

Из анализа структуры торговли России и Китая следует, что основные категории товаров в двусторонней торговле между Россией и Китаем не совпадают, и существует сильная торговая взаимодополняемость.

Доля общей российско-китайской товарной торговли в общей внешней торговле Китая в среднем остается на уровне около 2,3% и практически не меняется. Доля же общей российско-китайской товарной торговли в общей внешней торговле России увеличивается из года в год — с 9% в 2010 г. до 18% в 2020 г., в среднем составляя около 14,5%.

Выводы

Эмпирический анализ структуры и динамики российско-китайской торговли в сочетании с анализом текущей ситуации развития российско-китайской двусторонней торговли показал, что российско-китайская торговля продолжает расти и доля торговли стран друг с другом увеличивается. Это значит, что Россия и Китай остаются важными торговыми партнерами друг друга. Но в вопросах развития российско-китайской двусторонней торговли все еще существуют определенные проблемы: российско-китайская товарная структура торговли остается хрупкой, китайские товары на российском рынке сталкиваются с жесткой конкуренцией, несмотря на то, что существует российско-китайский потенциал взаимодополняемости двухсторонней торговли. Проблемы взаимодополняемости между Россией и Китаем еще не до конца изучены.

Список литературы

1. Варфаловская Р. А. (2018) Развитие внешней торговли Китая в условиях глобализации и «торговых войн» США // Проблемы Дальнего Востока. № 6. С. 85–91. [Varfalovskaya R. A. (2018) The development of China's foreign trade in the context of globalization and the "trade wars" of the USA // Problems of the Far East. No. 6. Pp. 85–91. (In Russian).]
2. Каратаев В. Б., Шкваря Л. В., Селиверстова М., Меланьина М. В. (2019) Некоторые аспекты русско-китайских отношений во второй половине XIX века. Часть 2. // Былые годы. № 54 (4). С. 1820–1831. [Karataev V. B., Shkvarya L. V., Seliverstova M., Melanyina M. V. (2019) Some aspects of Russian-Chinese relations in the second half of the XIX century. Part 2. // Bylye years. No. 54 (4). Pp. 1820–1831. (In Russian).]
3. Меланьина М. В. (2021) Этапы развития российско-китайских торгово-экономических отношений в 1991–2020 гг. // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 7.

№ 4. С. 283–290. [Melanyina M. V. (2021) Stages of development of Russian-Chinese trade and economic relations in 1991–2020. // Geopolitics and ecogeodynamics of regions. Vol. 7. No. 4. Pp. 283–290. (In Russian).]

4. Савинский А. В. (2017) Внешняя торговля Китая и сотрудничество с Россией // Россия и Азия. № 1. С. 44–49. [Savinsky A. V. (2017) China's foreign trade and cooperation with Russia // Russia and Asia. No. 1. Pp. 44–49. (In Russian).]

5. Соловьёва Ю.В. (2020) Национальные системы трансфера технологий стран-лидеров технологического развития: региональные особенности стран Азии // Азия и Африка сегодня. 2020. № 8. С. 44–51 [Solovieva Yu.V. (2020) National technology transfer systems of the leading countries of technological development: regional features of Asia //Asia and Africa today. No. 8. Pp. 44–51. (In Russian).]

6. Хэ М. В. (2013) Расширение сферы влияния ВТО в условиях глобализации и процедура присоединения Китая к ВТО / В сборнике: Мировая экономика и международные экономические отношения. Москва: Российский университет дружбы народов. С. 257–268. [He M. V. (2013) The expansion of the WTO sphere of influence in the context of globalization and the procedure for China's accession to the WTO / In the collection: World Economy and International Economic Relations. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia, pp. 257–268. (In Russian).]

7. Galbraith J. K. (2003) The experience of rising inequality in Russia and China during the transition. UTIP Working Paper. № 23 (1).

8. Lukin Ya. (2007) The Russian Bear Looks at the Chinese Dragon: The Image of China in Russia in the 17th and 20th Centuries [M]. Chongqing: Chongqing Publishing House.

9. Malle S. (2017) Russia and China in the 21st century. Moving towards cooperative behavior // Journal of Eurasian Studies. Vol. 8. Is. 2. Pp. 1–15. DOI: 10.1016/j.euras.2017.02.003

10. Solovieva Yu.V., He M. (2021) China-EU Trade: Dynamics and Current Trends / Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap: Institute of Scientific Communications Conference. Cham: Springer Nature. Pp. 1907–1913. DOI 10.1007/978-3-030-69415-9_209.

11. Vishal Perrie Park. (2005) The importance of developing border trade between China and Russia. The World Economics.

12. UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx>

Empirical analysis of trade development between China and Russia

Elena B. Bedrina,

PhD Economic Sciences, Associate Professor of the Department of International Economics, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.

Gao Nan,

Master of Economics, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin. (Origin from China).

The article analyzes the current state of Russian-Chinese bilateral trade. The significant influence of internal and external economic and political processes on bilateral trade flows in the XXI century is shown. There has been a significant and steady growth in mutual trade with an imbalance of its importance for both countries, as well as a commodity imbalance, which, of course, needs to be adjusted by Russia. At the same time, there is a slight decrease in Russian exports of raw materials to China.

The authors substantiate the point of view that the basis for the growth of mutual trade remains China's traditionally aggressive foreign trade policy, on the one hand, and the deterioration of Russia's foreign trade conditions on the world market due to Western economic sanctions, on the other. China also faces some forms of trade discrimination from the United States. In this regard, the country is transforming the status of its foreign trade partners. Russia should use this circumstance more actively.

Keywords: *Russia, China, export, import, trade turnover, complementarity, bilateral trade.*

JEL codes: *F52, O14, O31, O33.*

Социально-экономическое развитие Королевства Саудовская Аравия и его позиции в региональной экономике и торговле

Шкваря Людмила Васильевна¹

Экономика Королевства Саудовская Аравия, страны, отмечающей в сентябре 2022 г. 90-летие своего создания, устойчиво растет, несмотря на особенно жесткое усиление в последнее десятилетие глобальных и региональных вызовов. В статье показано, что процессы социально-экономического развития активизируются, а их исследование, в том числе с точки зрения применения саудовского опыта для других стран, актуализируется. Также растет роль и значимость страны в региональных экономических процессах, в частности, в ССАГПЗ, в Западной Азии и в целом в арабских странах, а также и на глобальном уровне. В статье подчеркивается, что имеет место диверсификация национальной экономики, проводящаяся с целью сократить зависимость страны от конъюнктуры мирового рынка нефти. При этом государство стремится сохранить и приумножить свою собственную роль в системе мирового хозяйства. Целью статьи является показать динамику процессов социально-экономического развития и обосновать ее основные факторы, а также последствия для национальной и региональной экономики.

Ключевые слова: Королевство Саудовская Аравия, Ближний Восток, ССАГПЗ, социально-экономическое развитие, внешняя торговля, экспорт, импорт.

JEL коды: E01, F14, O11, O53.

Введение

Создание Королевства Саудовская Аравия первый король страны Абд аль-Азиз ибн Абдуррахман Аль Сауд провозгласил 18 сентября 1932 г. своим указом № 2716 «Об объединении частей арабского королевства» (рис. 1), и этот день стал общенациональным праздником (рис. 2) на годы и десятилетия. Стоит отметить, что в тот момент страна была феодальной и двигалась в направлении феодальной централизации (Васильев, 1982).

Авторы отмечают, что «Еще в 30-е годы нашего столетия (1930-е гг. — *Л. Ш.*) вновь созданное королевство представляло собой типично феодальное государственное образование; разнородное в социальном, экономическом, отчасти и религиозном отношении общество, в котором на равных существовали родоплеменные и раннекапиталистические начала, оказалось придвинутым к порогу современности и начало втягиваться в этап капиталистического созревания. Внешний фактор, а затем сменивший его нефтяной фактор сыграли ведущую роль в ускорении социальной трансформации саудовского общества» (Яковлев, 1999).

¹ *Шкваря Людмила Васильевна* — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры мировой экономики, Российский университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

Рис. 1. Номер правительственной газеты "Умм Аль-Кура" от 23 сентября 1932 года с текстом указа о провозглашении Королевства Саудовская Аравия.
 Источник: 90 лет Королевству Саудовская Аравия (2022).

Рис. 2. Празднование первого Национального дня в Королевстве Саудовская Аравия.
 Источник: Samir Salama, 2020.

В сентябре 2022 г. отмечается уже 90-й Национальный день Королевства Саудовская Аравия. За эти годы государство прошло большой путь развития и стало одним из

важнейших субъектов мировой и арабской экономики и арабского мира в целом. Развитие страны, в том числе социально-экономическое, вызывает интерес у исследователей, в том числе в России, в силу специфики национальных экономик обеих стран, опирающихся на нефтяную составляющую. Но по-прежнему важнейшими факторами роста КСА остается углеводородный и внешнеэкономический.

Начало добычи нефти в Королевстве (1939 г.) заложило основу национального экономического развития — вначале на основе сотрудничества с зарубежными странами и имплементации иностранного капитала и технологий в углеводородный сегмент. Экспорт природного сырья принес Королевству огромные доходы. И. А. Александров отмечает в этой связи: «Показательной в этой отношении является динамика роста доходов КСА от нефти как крупнейшего ее экспортера. Так, если в качестве базового брать 1971 г., то в 1973 г. доходы страны от нефти возросли на 208,5%, а в 1976 г. — на 1233,2%. Пиковая величина приходится на 1981 г. — 4015,3%. Таким образом, доходы Саудовского королевства увеличились в течение десятилетия в 41 раз! В рекордном 1981 г. Саудовская Аравия заработала на экспорте нефти 118,998 млрд долларов» (Александров, 2000, с.19). Осознавая значимость этого ресурса, Саудовская Аравия с 1970-х гг. стала постепенно «выдавливает» иностранных инвесторов из нефтяной отрасли, вкладывая финансовые ресурсы сначала в разработку новых месторождений, а затем — во все более передовые отрасли национальной промышленности, так как неустойчивость ценовой конъюнктуры на мировом рынке нефти (Руденко, 2020) вызвала необходимость стабилизации и реформирования национальной экономической модели.

В силу значимости этого направления, специфике реформирования экономики Саудовской Аравии, особенно в сфере попыток декарбонизации национальной экономики, уделяется большое внимание и на практике, и в научных исследованиях (Федорченко, 2021; Русакович, 2017). Так, профессор Федорченко А. В. отмечает: «Эра основанного на нефти процветания, начавшаяся после открытия в 1938 г. огромных запасов «черного золота» и превратившая Королевство Саудовская Аравия (КСА) из отсталой аграрной страны в самое мощное в финансово-экономическом отношении арабское государство, может завершиться в обозримом будущем» (Федорченко, 2021).

Конечно, речь не идет об абсолютном сокращении значимости углеводородного сегмента Королевства в ВВП страны. Исследователи обращают внимание на то, что происходящая трансформация видится как усиление роли нефтехимии и нефтепереработки в национальной экономике, и на этой основе — ее более тесное «встраивание» в систему мирового хозяйства (Исаев и др., 2017), так как внешний фактор традиционно сохраняет огромное значение для развития страны.

Внешнеэкономическому аспекту развития Королевства Саудовская Аравия также уделяется большое внимание в научных исследованиях, так как эта сфера сохраняет большое значение для национального хозяйства, что подтверждает как практика, так и аналитические исследования. Так, некоторые авторы отмечают, что с 2000 г. государство предприняло серьезные усилия по глобальной интеграции (Sadiq Sohail, Burney, 2005). Особенно это касается места и роли КСА, как и других государств Персидского залива, на мировом рынке углеводородов (Руденко, 2018). В том числе исследователи обращают внимание на саудовско-российские торгово-экономические отношения (Бирюков, 2013).

Однако в сфере внешней торговли Королевства остается ряд неисследованных аспектов.

Результаты исследования Социально-экономические процессы

Как уже отмечалось, внешняя торговля Королевства Саудовская Аравия сохраняет огромное влияние на социально-экономическую динамику не только в самом Королевстве, но и в регионе ССАГПЗ в силу основополагающей значимости страны в регионе (табл. 1 и рис. 1). Причем, как видно из табл. 1, вклад КСА в региональный ВВП вырос в относительном выражении за 10 лет на 3%, а в абсолютном — в 1,57 раза, в то время как совокупный ВВП ССАГПЗ увеличился с 2010 г. в 1,48 раза. Соответственно, растет и роль национальной экономики Королевства Саудовская Аравия в регионе ССАГПЗ, в Западной Азии, в Азии в целом и в мире.

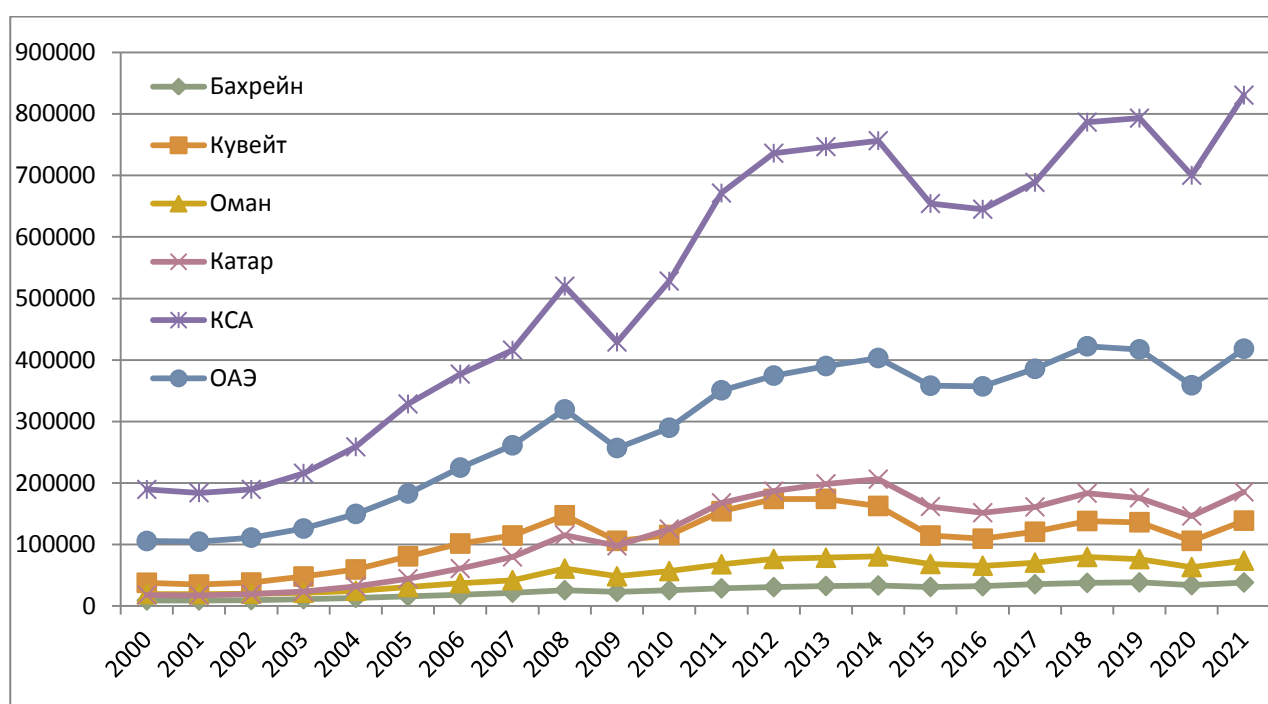

Рис. 1. Динамика производства ВВП Саудовской Аравии и стран ССАГПЗ в 2000–2021 гг., млн долларов.

Источник: составлено автором по данным табл. 1.

В то же время из табл. 1 и рис. 1 видно, что этот экономический рост неравномерен в различные периоды времени: зафиксировано падение производства ВВП в КСА в 2009 г. (глобальный финансово-экономический кризис), в 2015–2016 гг. (антироссийские санкции и падение цены на нефть на мировом рынке), в 2020 г. (глобальная пандемия). Соответственно, резкий экономический рост имел место в 2008, 2014 и 2021 гг. Причиной такого тренда остается высокая зависимость экономического развития КСА от внешнего фактора, в частности, мирового рынка нефти и цен, которые на нем формируются в те или иные периоды времени при наличии, на наш взгляд, достаточно серьезного экономического потенциала у самой Саудовской Аравии. Причем потенциал этот имеет устойчивую тенденцию к росту.

Таблица 1.

Динамика производства ВВП Саудовской Аравии и стран ССАГПЗ в 2000–2021 гг., млн долларов и %

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2010. Доля в совокупном ВВП ССАГПЗ, %
Бахрейн	9062,907	8976,208	9593,509	11074,82	13150,17	15968,73	18504,76	21730,01	25710,87	22938,22	25713,27	2,253258
Кувейт	37717,82	34889,6	38135,76	47873,99	59436,72	80797,95	101559	114635,5	147380,3	105967,8	115416	10,11393
Оман	19507,45	19452	20142,76	21633,71	24763,71	31081,99	37215,78	42085,38	60905,45	48388,36	56913,07	4,987301
Катар	17759,89	17538,46	19363,74	23533,79	31734,17	44530,5	60881,95	79711,97	115270	97798,48	125122,4	10,96449
КСА	189514,9	184137,6	189606	215807,9	258742,1	328461,2	376900,1	415964,6	519796,7	429097,9	528207,3	46,2869
ОАЭ	105701	104661,7	111251,3	125971,3	149756,1	182977,7	225019,1	261286,6	319597,4	256860,8	289787,5	25,39412
ВВП ССАГПЗ	379264	369655,7	388093	445895,5	537583	683818	820080,7	935414,1	1188661	961051,6	1141160	100
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2021. Доля в совокупном ВВП ССАГПЗ, %
Бахрейн	28776,61	30749,33	32539,56	33387,69	31050,64	32234,97	35473,79	37654,02	38473,72	33903,88	38313,07	2,273473
Кувейт	154040,7	174047,2	174167,6	162656,2	114584,6	109406,5	120687,8	138202,4	136191,6	105948,8	138827,7	8,23795
Оман	67872,69	76511,06	78555,64	80686,85	68399,66	65480,51	70598,03	79788,77	76331,52	63367,6	73811,42	4,379923
Катар	167775,3	186833,5	198727,6	206224,6	161740	151732,2	161099,1	183335	175837,6	146400,5	185666,3	11,01732
КСА	671238,8	735974,8	746647,1	756350,3	654269,7	644935,7	688586,1	786521,9	792966,8	700117,9	830324,9	49,27095
ОАЭ	350666,1	374590,7	390107,5	403137,2	358134,9	357045,2	385605,5	422215	417215,6	358868,8	418278,7	24,82039
ВВП ССАГПЗ	1440370	1578707	1620745	1642443	1388180	1360835	1462050	1647717	1637017	1408607	1685222	100

Источник: составлено и рассчитано автором по данным UNCTAD.

Так, по данным Мирового банка, экономический рост КСА ускорится до 7% по итогам 2022 г., и затем еще на 3,8% и 3,0% в 2023 и 2024 гг. соответственно. Увеличение добычи нефти остается основной движущей силой процесса экономического восстановления после пандемии, и эта добыча, как ожидается, вырастет на 13% в 2022 г. после прекращения снижения добычи ОПЕК + в декабре 2022 г. Ожидается, что нефтегазовый сектор продолжит свою траекторию роста, которая оценивается в 4% в 2022 г. и 3,2% в среднесрочной перспективе. Несмотря на препятствия, связанные с ужесточением фискальной и денежно-кредитной политики в среднесрочной перспективе, ожидается рост частного потребления, а также увеличение религиозного туризма и внутренних капитальных расходов. Прогнозируется, что общая инфляция замедлится и составит около 2% в 2022 г. в результате укрепления доллара США, к которому привязан саудовский риал, и ужесточения денежно-кредитной политики (World Bank, 2022).

Основой экономического роста страны в настоящее время остается наращивание усилий по диверсификации и трансформации национальной экономики с тем, чтобы отойти от исключительно углеводородной специализации. Так, с 2016 г. Саудовская Аравия приступила к реализации Национальной программы преобразований Видение 2030 (*The National Transformation Plan. Vision 2030*), которая как раз и ставила целью осуществление структурных изменений, таких как активизация деятельности частного сектора, увеличение источников и возможностей доходной базы государства и др. Национальная программа преобразований направлена на развитие необходимой инфраструктуры и создание условий, позволяющих государственному и частному секторам реализовать задачи Видения Королевства до 2030 г. Это будет достигнуто путем достижения высокого качества работы правительства, поддержки цифровой трансформации, расширения возможностей частного сектора, развития экономических партнерств и содействия социальному развитию, в дополнение к обеспечению устойчивости жизненно важных ресурсов (*The National Transformation Plan*).

На первом этапе (2016–2020 гг.) программа способствовала многим важным достижениям, включая: совершенствование нормативно-правовой базы и государственных услуг, предоставляемых гражданам, таких как судебные услуги, преобразование здравоохранения, улучшение городского ландшафта, развитие инфраструктуры Королевства, включая строительство установок по опреснению морской воды и связанных с ними сетей, повышение удобства ведения бизнеса, расширение цифровых преобразований и технических решений, регулирование рынка труда, расширение прав и возможностей женщин и молодежи и расширение их участия в рабочей силе, развитие некоммерческого туристического секторов.

На следующем этапе (2021–2025 гг.), согласно программе, продолжится развитие необходимой инфраструктуры, активизация социального развития, обеспечение устойчивости жизненно важных ресурсов, достижение высокого качества работы правительства, поддержка цифровой трансформации и повышение привлекательности рынка труда с целью создания условий, позволяющих государственному и частному секторам достичь саудовского Видение 2030 г. Программа также позволит достичь стратегических целей, которые ранее были поставлены перед страной Национальной программой продвижения компаний и Программой стратегического партнерства, способствуя развитию частного сектора и развитию экономических партнерств. (*The National Transformation Plan. Vision 2030*).

Внешняя и региональная торговля КСА

Королевство Саудовская Аравия остается активным участником мировой и региональной торговли, и, будучи членом ВТО с 2005 г., наращивает как экспорт, так и импорт (рис. 2). В 2021 г. Саудовская Аравия заняла 26-е место в мире как экспортер и 32-е место как импортер.

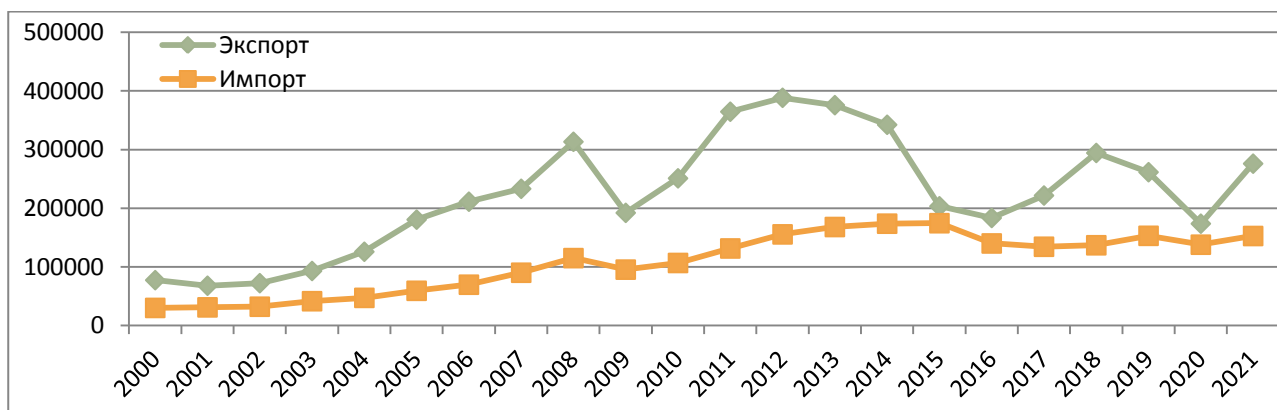

Рис. 2. Динамика экспорта и импорта КСА в XXI в., млн долларов.

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

Как видно из рис. 2, в 2021 г. Королевство Саудовская Аравия экспортировало всем странам мира товаров по стоимости на сумму примерно 276,2 млрд долларов США, импортировало 152,8 млрд. Соответственно, рост экспорта за год составил более чем на 37%, а импорта — почти 10% при положительном сальдо внешнеторгового баланса на протяжении всего периода. А значит, происходит дальнейший приток иностранной валюты и укрепление финансового положения страны. Величина торгового баланса страны, остающегося структурно профицитным, колеблется в зависимости от цен на нефть на мировом рынке и величины глобального спроса.

Топ-10 важнейших экспортных товаров КСА в 2021 г. представлен в табл. 2.

Таблица 2.

Топ-10 важнейших экспортных товаров Саудовской Аравии в 2021 г.

№ п/п	Товар	Стоимость, млрд долларов США	% от общего объема экспорта
1.	Минеральное топливо, включая нефть	206,1	77
2.	Пластмассы, изделия из пластмасс	23,6	8,8
3.	Продукция органической химии	14,3	5,4
4.	Удобрения	3,6	1,3
5.	Алюминий	2,4	0,9
6.	Продукция неорганической химии	2	0,7
7.	Чугун, сталь	1,3	0,5
8.	Драгоценные камни, драгоценные металлы	1,2	0,4
9.	Молочные продукты, яйца, мед	1	0,4
10.	Медь	0,9165	0,3

Источник: составлено и рассчитано автором по данным UNCTAD.

Таким образом, фиксируем сохранение центрального значения минерального топлива в экспорте страны. В топ-3 экспорта Саудовской Аравии входят сырая нефть, рафинированные нефтяные масла и нефтяной газ. В совокупности эти 3 экспортируемых минеральных вида топлива обеспечило более 3/4 международных продаж Саудовской Аравии в 2021 г. Наибольший рост продемонстрировал экспорт удобрений — более чем на 188% за год. Металлы, железо и сталь, экспорт которых вырос на 113,1%. Снижение экспорта в стоимостном выражении зафиксировано по товарной позиции «Драгоценные камни и драгоценные металлы» (свыше 40% в 2021 г. по сравнению с 2020 г.). Учитывая, что население Саудовской Аравии составляет 35,3 млн человек в 2021 г., общий объем экспорта в размере 276,2 млрд долларов в 2021 г. составит примерно 7824 долларов на каждого жителя КСА. Этот показатель в долларах превышает средний уровень в 2020 г. (5100 долларов на душу населения).

В макроэкономическом выражении общий объем товарного экспорта Саудовской Аравии в 2021 г. составил 33,26% от общего ВВП (см. табл. 1). В 2020 г. экспортная квота составляла 24,8%. Это свидетельствует об относительно растущей зависимости от экспорта для общих экономических показателей Саудовской Аравии, хотя и в коротких временных рамках.

Основным импортером саудовских товаров в 2021 г. стал Китай, купивший 64,2% саудовских товаров. Прочие ведущие партнеры — это такие страны, как ОАЭ (8,9%), Индия (8%), Турция (5,5%), Сингапур (5,0%), Бельгия (4,5%), Египет (4,1%), США (3,7%), Иордания (2,8%), Кувейт (2,5%), а также Южная Корея (2,05%) и Малайзия (1,95%). Таким образом, в континентальном аспекте 68% экспорта Саудовской Аравии в стоимостном выражении было поставлено в азиатские страны, в то время как 12% было продано европейским импортерам. В 2021 г. Саудовская Аравия отправила в Африку товаров еще на 11,9% больше, чем годом ранее. Меньший процент пришелся на Северную Америку (3,9%), Латинскую Америку (2,8%), исключая Мексику, но включая Карибский бассейн, затем Океанию (1,4%) во главе с Австралией и Новой Зеландией.

Ведущие позиции саудовского импорта представлены в табл. 3.

Таблица 3.

Топ-10 важнейших импортных товаров Саудовской Аравии в 2021 г.

№ п/п	Товар	Стоимость, млрд долларов США	Изменение с 2020 г., %
1.	Оборудование, включая компьютеры	16	+6,1
2.	Транспортные средства	15,2	+7,7
3.	Электрические машины, оборудование	13,1	+8,4
4.	Фармацевтические препараты	6,5	+25,3
5.	Суда, катера	4,8	+126,3
6.	Драгоценные камни, драгоценные металлы	4,3	
7.	Железо, сталь	4,1	+5,9
8.	Оптическое, техническое, медицинское оборудование	3,6	-18,8
9.	Зерновые	3,4	+18,8
10.	Самолеты, космические аппараты	3,2	+42,9

Источник: составлено и рассчитано автором по данным UNCTAD.

Динамика экспорта и импорта КСА относительно соответствующих показателей в регионе ССАГПЗ представлена в табл. 4 и табл. 5.

Таблица 4.

Динамика экспорта Саудовской Аравии и стран ССАГПЗ в 2000–2021 гг., млн долларов и %

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2010. Доля в совокупном экспорте ССАГПЗ, %
Бахрейн	6194,41	5577	5794	6631,649	7557,966	10242	12200	13634	17316	11873,65	14971,25	2,262687
Кувейт	19436	16203	15369	20678	28599	44868,5	56016,1	62691,16	87457,02	54008,1	69977,95	10,57615
Оман	11318,6	11074	11171,7	11668,7	13341,5	18691,8	21585,2	24692	37719	27651,5	36601,3	5,531755
Катар	11594	10871	10978	13382	18684	25762	34051	42019,51	67307,14	48007,14	74964,48	11,32979
КСА	77583	68064	72453,3	93245,3	125997	180711	211305	233329	313462	192314	251143	37,95662
ОАЭ	49835,26	48413,89	52163	67135	90997	117287	145587	178630	239213	192000	214000	32,34299
<i>Экспорт ССАГПЗ</i>	<i>175961,3</i>	<i>160202,9</i>	<i>167929</i>	<i>212740,6</i>	<i>285176,5</i>	<i>397562,3</i>	<i>480744,3</i>	<i>554995,7</i>	<i>762474,2</i>	<i>525854,4</i>	<i>661658</i>	<i>100</i>
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2021. Доля в совокупном экспорте ССАГПЗ, %
Бахрейн	19650,23	19768,09	21930	20130	16540,43	12785	15376	18043,62	18119,68	14065,69	22369,41	2,435083
Кувейт	102102,7	118911,8	115103,5	102110,7	54122,22	46272,95	55015,27	71938,23	64482,89	40115,92	63127,79	6,871946
Оман	47091,81	52138,1	55497,13	50718,32	31926,52	30013,6	32904,05	41760,98	38723,58	33479,36	44590,93	4,854065
Катар	114448	132962	136855	131591,6	77971,08	57308,64	67498,11	84904,62	72934,96	51504,16	87203,29	9,492749
КСА	364699	388401	375872	342432,5	203550,2	183579,5	221834,9	294373,3	261603,2	173853,9	276179,2	30,06423
ОАЭ	302037	359728	374214	343036	300476,5	295030,6	313603,1	387964,3	389428	335296,9	425159,9	46,28193
<i>Экспорт ССАГПЗ</i>	<i>950028,7</i>	<i>1071909</i>	<i>1079472</i>	<i>990019,1</i>	<i>684586,9</i>	<i>624990,3</i>	<i>706231,5</i>	<i>898985</i>	<i>845292,3</i>	<i>648315,9</i>	<i>918630,5</i>	<i>100</i>

Источник: составлено и рассчитано автором по данным UNCTAD.

Таблица 5.

Динамика импорта Саудовской Аравии и стран ССАГПЗ в 2000–2021 гг., млн долларов и %

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2010. Доля в совокупном импорте ССАГПЗ, %
Бахрейн	4633,24	4306	5013	5657,181	7384,562	9393,069	10515,16	11488	14980	10100	12260	3,502755
Кувейт	7157	7869	9001	10987	12630,5	15801,18	17242,5	21362,5	24839,59	19892,08	22674,71	6,478299
Оман	5131	5933	6296,489	6801,04	8795,579	8970,871	11038,75	16024,71	23137,32	17936,02	19972,69	5,706317
Катар	3252	3758	4052,046	4897,417	6004,551	10061	16440,1	23429,16	27900,04	24921,95	23239,84	6,639759
КСА	30238	31223	32293,3	41704,27	47375,73	59458,7	69799,7	90214,04	115134	95552,18	106863	30,53139
ОАЭ	35008,85	37293,4	42652,42	52073,79	72082	84654	100057	132500	200300	150000	165000	47,14148
Импорт ССАГПЗ	85420,09	90382,4	99308,25	122120,7	154272,9	188338,8	225093,2	295018,4	406291	318402,2	350010,2	100
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2021. Доля в совокупном импорте ССАГПЗ, %
Бахрейн	12730	10891,37	9997,025	12215,93	12407,55	11578,99	13145,4	14871,26	13255,59	12682,68	14187,62	2,343375
Кувейт	25090	27259,1	29298,63	31021,35	30963,4	30824,99	33573,18	35863,51	33574,06	27738,01	31888,74	5,267077
Оман	24018,73	28635,63	34331,19	29303	29007,05	23147,56	26434,87	25770,09	23506,69	28507,46	30994,76	5,119418
Катар	22328	30787	27034	30448	32610,46	32060,03	29896,36	31695,93	29178,07	25834,89	27985,4	4,622361
КСА	131586	155593	168155	173833,6	174675,6	140169,8	134519,2	137064,7	153162,9	137997,6	152849,6	25,24624
ОАЭ	229932	256528	270579	276025	263417,3	266575,9	257733,3	244687,6	288446,7	246961,1	347529,1	57,40153
Импорт ССАГПЗ	445684,7	509694,1	539394,8	552846,9	543081,3	504357,2	495302,2	489953,1	541124	479721,7	605435,2	100

Источник: составлено и рассчитано автором по данным UNCTAD.

Из табл. 4–5 видно, что доля КСА в объеме регионального внешнеторгового оборота имеет тенденцию к сокращению, главным образом за счет резкого роста внешней торговли ОАЭ. Так, если в 2010 г. доля КСА в совокупном экспорте ССАГПЗ составляла практически 38%, а импорта 30,5%, то в 2021 г. оба показателя сократились соответственно до 30,1% и 25,2% при росте стоимостных показателей. Эту ситуацию мы связываем с заметным ростом в ОАЭ нефтегазовых сегментов национальной экономики, в то время как экономика КСА все еще критично зависит от нефти. Именно поэтому МВФ прогнозирует снижение темпов роста саудовской торговли (табл. 6).

Таблица 6.

Прогноз темпов роста саудовской внешней торговли до 2025 г.

Потоки	2022	2023	2024	2025
Объем экспорта товаров и услуг (изменение в % за год)	6,1	2,0	2,3	2,3
Объем импорта товаров и услуг (изменение в % за год)	2,7	3,1	2,7	2,9

Примечание: 2022–2025 гг. — оценочные данные

Источник: IMF, World Economic Outlook, 2022.

Как видно из табл. 6, прогнозируется снижение темпов роста экспорта и импорта товаров и услуг Королевства Саудовская Аравия, но, по нашему мнению, эти оценки не учитывают возможности наращивания производства и экспорта на мировые рынки нефтегазовой продукции. Но если ситуация сложится именно таким образом, то она войдет в противоречие со стремлением КСА сохранить свое доминирование в регионе ССАГПЗ. Единственная возможность для усиления своих позиций в регионе для Саудовской Аравии заключается, во-первых, в наращивании нефтегазового производства и экспорта и, во-вторых, — в дальнейшем развитии и диверсификации внешнеэкономических связей, прежде всего в географическом аспекте, включая Африку и Латинскую Америку.

Заключение

Проведя данное исследование, мы приходим к следующим выводам.

Во-первых, можно ожидать дальнейшего укрепления экономического потенциала Королевства Саудовская Аравия как в глобальном, так и в региональном аспектах. Это укрепление будет осуществляться прежде всего на нефтегазовой основе, но постепенное реформирование национальной экономики, уже фактически начавшееся, даст возможность постепенно усиливать этот потенциал.

Во-вторых, внешняя торговля сохранит свое важнейшее значение для обеспечения социально-экономического развития и стабильности в КСА, однако и в этой сфере мы наблюдаем углубляющуюся трансформацию, прежде всего географическую. Стоит отметить, что трансформация структурная, т. е. отраслевая, во многом опирается на рост высокотехнологичного, инновационного и цифрового экспорта Королевством соответствующих товаров и услуг.

В-третьих, исходя из всего вышеизложенного, можно отметить, что торгово-экономическое сотрудничество в высокотехнологичных, а также нефтегазовых (углеводородных) сферах Российской Федерации и Саудовской Аравии имеет, на наш взгляд, достаточно прочную основу.

Список литературы

1. Александров И. А. Монархии Персидского залива: этап модернизации. М.: Дело и Сервис, 2000. 544 с. [Alexandrov I. A. Monarchies of the Persian Gulf: the stage of modernization. M.: Business and Service, 2000. 544 p. (In Russian).]
2. Бирюков Е. С. (2013) Россия и страны ССАГПЗ — наращивание экономического сотрудничества // Азия и Африка сегодня. № 9 (674). С. 49–54. [Biryukov E. S. (2013) Russia and the GCC countries — building up economic cooperation // Asia and Africa today. No. 9 (674). Pp. 49–54. (In Russian).]
3. Васильев А. М. (1982) История Саудовской Аравии (1745 г. — конец XX века). Изд. 2. М.: Классика плюс, 1999. 672 с. [Vasiliev A. M. (1982) The History of Saudi Arabia (1745 — the end of the twentieth century). Ed. 2. M.: Classics plus, 1999. 672 p. (In Russian).]
4. Исаев В. А., Филоник А. О., Морозов В. М. (2017) Проблемы адаптации нефтегазового комплекса арабских монархий к современности // Этносоциум и межнациональная культура. № 6 (108). С. 178–189. [Isaev V. A., Filonik A. O., Morozov V. M. (2017) Problems of adaptation of the oil and gas complex of the Arabian monarchies to modernity // Ethnosocium and interethnic culture. No. 6 (108). Pp. 178–189. (In Russian).]
5. Руденко Л. Н. (2020) Экономика Саудовской Аравии в условиях низких нефтяных цен // Российский внешнеэкономический вестник. № 5. С. 39–47. [Rudenko L. N. (2020) Saudi Arabia's economy in the conditions of low oil prices // Russian Foreign Economic Bulletin. No. 5. Pp. 39–47. (In Russian).]
6. Руденко Л. Н. (2018) Нефть и газ арабских стран в международной торговле // Российский внешнеэкономический вестник. № 6. С. 32–46. [Rudenko L. N. (2018) Oil and gas of Arab countries in international trade // Russian Foreign Economic Bulletin. No. 6. Pp. 32–46. (In Russian).]
7. Русакович В. И. (2017) Не нефтью единой. Диверсификация национальных экономик в странах ССАГПЗ // Азия и Африка сегодня. № 2 (715). С. 33–40. [Rusakovich V. I. (2017) Not a single oil. Diversification of national economies in the GCC countries // Asia and Africa today. No. 2 (715). Pp. 33–40. (In Russian).]
8. Федорченко А. В. (2021) Реформирование саудовской экономики: итоги и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. Т. 65. № 4. С. 92–102. [Fedorchenko A. V. (2021) Reforming the Saudi economy: results and prospects // World economy and international relations. Vol. 65. No. 4. Pp. 92–102. (In Russian).]
9. Яковлев А. И. (1999) Социально-экономические реформы как инструмент ускоренных преобразований восточного общества по капиталистическому пути: Опыт Саудовской Аравии: дисс. д. ист. н. М.: Институт Востоковедения РАН. [Yakovlev A. I. (1999) Socio-economic reforms as an instrument of accelerated transformations of Eastern society along the capitalist path: The Experience of Saudi Arabia. Diss. Doctor of Historical Sciences. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).]
10. 90 лет Королевству Саудовская Аравия (2022). [90 years of the Kingdom of Saudi Arabia (2022). (In Russian).] URL: <https://ru-royalty.livejournal.com/10233495.html>
11. IMF, World Economic Outlook, 2022. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/REO/MECA>

12. Samir Salama. Saudi Arabia: How kingdom celebrated first National Day 90 years ago // Gulf News. September 23, 2020. URL: <https://gulfnews.com/world/gulf/saudi/saudi-arabia-how-kingdom-celebrated-first-national-day-90-years-ago-1.74054541>
13. Sadiq Sohail M., Burney M. A. (2005) Sustaining trade with Saudi Arabia: an analysis of exporting as an alternative // World Review of Entrepreneurship Management and Sustainable Development. Vol. 1. Is. 1. Pp. 77–90. DOI: 10.1504/WREMSD.2005.007754
14. The National Transformation Plan. Vision 2030. URL: <https://www.vision2030.gov.sa/v2030/vrps/ntp/>
15. UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>
16. World Bank, 2022. Saudi Arabia's Economic Update — April 2022. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/saudiarabia/publication/economic-update-april-2022>

Socio-economic development of the Kingdom of Saudi Arabia and positions in the regional economy and trade

Lyudmila V. Shkvarya

Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher of the Department of World Economy, Plekhanov Russian University, Moscow, Russia.

The economy of the Kingdom of Saudi Arabia, a country celebrating the 90th anniversary of its creation in September 2022, is steadily growing, despite the particularly severe intensification of global and regional challenges in the last decade. The article shows that the processes of socio-economic development are becoming more active, and their research, including from the point of view of applying the Saudi experience to other countries, is being updated. The country's role and importance in regional economic processes is also growing, in particular, in the GCC, Western Asia and in general in Arab countries, and at the global level. The article emphasizes that there is a diversification of the national economy, carried out in order to reduce dependence on the external factor. At the same time, the state strives to preserve and increase its own role in the world economy system. The purpose of the article is to show the dynamics of the processes of socio-economic development and to substantiate its main factors, as well as the consequences for the national and regional economy.

Keywords: *Kingdom of Saudi Arabia, Middle East, GCC, socio-economic development, foreign trade, export, import.*

JEL codes: *E01, F14, O11, O53.*

Центральная Азия: анализ социально-экономических и внешнеторговых процессов в XXI веке

Чиниев Джами Бадридинович¹

В статье представлено исследование социально-экономической ситуации и соответствующей динамики в странах Центральной Азии (ЦА) — Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. Все страны ЦА сохраняют общие характеристики, сформированные в той или иной мере после распада СССР, но в регионе, а также на глобальном уровне, появляются новые процессы и тенденции, которые в XXI в. формируют новый облик региона. Этот облик, по мнению автора, трансформируется как на страновом, так и на региональном уровнях в результате положительной динамики основных макроэкономических показателей, в том числе внешнеторговые, а также ряда процессов в социальной сфере, включая рост качества жизни. При этом в регионе сохраняется ряд проблем и появляются новые, решение которых, по нашему мнению, возможно во многом как на основе коллективных усилий, так и роста суверенитета в экономической и политической сферах. Исследование проведено на основе статистических данных международной базы ЮНКТАД за 2000–2021 гг. и на основе собственных расчетов автора и применения метода визуализации.

Ключевые слова: Центральная Азия, экономическое развитие, социально-экономические процессы, внешняя торговля, глобальная экономика, региональная экономика.

JEL коды: F14, O11, O53.

Введение

Центральноазиатский регион переживает в XXI в. как бурное развитие, так и влияние новых (а, зачастую, и старых) проблем — внешних и внутренних. В то же время растет роль и значение региона в мировой экономике, а также в Азии, в силу тех процессов глобальной и региональной нестабильности, с которыми сталкиваются страны региона — Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан — с момента распада СССР. Распада, который представлял для этих стран, как и для других новых независимых государств постсоветского пространства, «мощный кризисный шок» (Кувалдин и др., 2022). Бывшим союзным республикам пришлось перестраивать национальную экономику и социальную сферу достаточно фундаментально, как и внешнеэкономическую систему, что, по мнению экспертов, наряду с дестабилизацией политической обстановки, вызвало глубокий экономический кризис (Рахимзода, 2021) как в каждой отдельной стране, так и в регионе в целом.

¹ Чиниев Джами Бадридинович — кандидат экономических наук, экономист, представительство МВФ в Таджикистане, Душанбе, Таджикистан.

Сегодня многие эксперты исследуют процессы социально-экономического развития в отдельных странах Центральной Азии (Назаров, 2020; Мигранян, 2021; Чепель, 2019; Кочаева и др., 2020).

Однако в данной статье мы попытаемся, на основе анализа социально-экономического развития региона в целом и установить как основополагающие тенденции в сфере трансформации региональной экономик, так и новые проблемы и вызовы в XXI в.

Результаты исследования

Современное социально-экономическое развитие региона Центральной Азии крайне неустойчиво и нестабильно как в экономической сфере, показателем чего выступает производство ВВП (рис. 1), так и в сфере социальной, характеризующейся во многом уровнем и динамикой подушевых доходов (рис. 2, табл. 1).

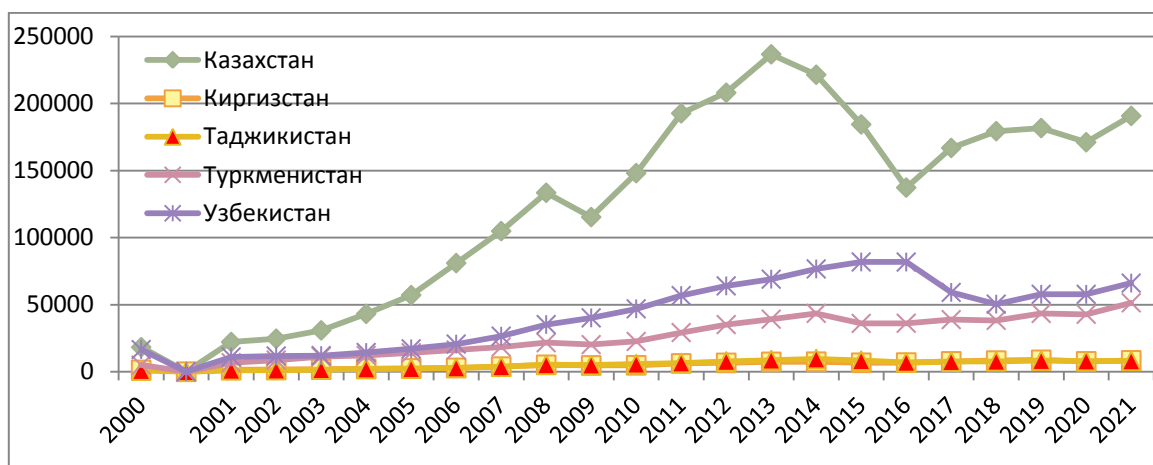

Рис. 1. Динамика производства ВВП в регионе Центральной Азии в 2000–2021 гг., млн долларов.

Источник: составлено автором по табл. 1.

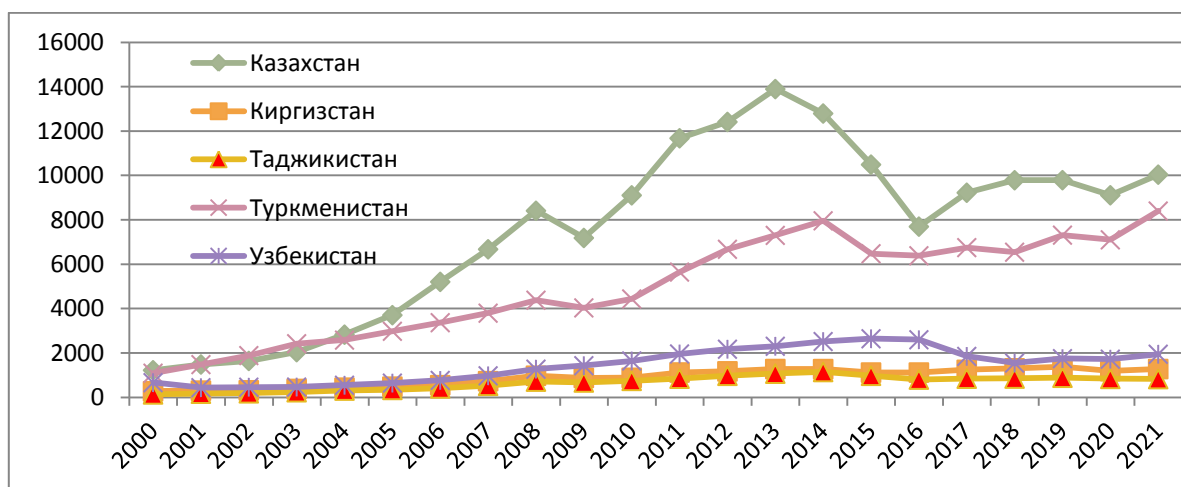

Рис. 2. Динамика подушевых доходов в регионе Центральной Азии в 2000–2021 гг., доллары.

Источник: составлено автором по табл. 1.

Таблица 1.

Динамика ВВП и подушевых доходов стран Центральной Азии в 2000–2021 гг.

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
ВВП, млн долларов США											
Казахстан	18291,99	22152,69	24636,6	30833,69	43151,64	57123,67	81003,86	104849,9	133441,6	115308,7	148047,3
Киргизстан	1370,076	1527,21	1605,697	1921,529	2212,212	2460,247	2834,169	3802,571	5139,959	4690,061	4794,362
Таджикистан	860,6863	1080,899	1221,034	1555,024	2076,109	2312,32	2830,153	3719,437	5161,241	4979,375	5642,176
Туркменистан	4932,308	6753,649	8699,983	11276,53	12158,24	14173,9	16214,58	18494,12	21628,52	20214,39	22583,16
Узбекистан	16520,38	11076,72	11721,82	12056,7	14344,36	17085,01	20624,38	26534,6	35192,72	40170,45	46909,05
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Казахстан	192626,5	207998,6	236634,6	221415,6	184388,4	137278,3	166805,8	179340	181667,1	171082,3	190722,4
Киргизстан	6197,766	6605,143	7335,034	7468,102	6678,177	6813,095	7702,938	8271,106	8871,02	7735,935	8482,458
Таджикистан	6522,756	7698,884	8653,589	9477,768	8271,432	6992,416	7536,403	7765	8300,814	7996,848	8091,167
Туркменистан	29233,33	35164,28	39197,54	43524,21	36051,6	36169,43	38877,85	38292,22	43460,69	42845,17	51397,91
Узбекистан	56808,25	64003,3	68997,17	76658,54	81847,41	81779,02	59159,95	50392,61	57726,54	57707,19	66076,92
ВВП на душу населения, долларов США											
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Казахстан	1225,781	1485,74	1645,052	2041,96	2829,613	3708,654	5208,829	6677,44	8412,595	7187,47	9109,332
Киргизстан	278,4305	307,7291	321,6877	383,268	439,0184	484,7452	553,0756	733,4662	978,114	879,1599	884,1937
Таджикистан	138,4557	171,0687	189,9891	237,715	311,6163	340,5821	408,8286	526,6335	715,8524	676,109	749,5521
Туркменистан	1092,154	1479,737	1887,191	2422,064	2584,991	2981,059	3370,934	3797,449	4381,999	4036,457	4439,202
Узбекистан	666,9522	441,1533	460,9245	468,2376	550,064	646,4791	769,4497	975,3678	1273,853	1431,312	1645,013
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Казахстан	11680,94	12416,7	13898,33	12796,65	10493,3	7698,899	9225,972	9789,505	9792,622	9111,411	10040,69
Киргизстан	1123,205	1174,961	1279,818	1277,795	1120,664	1121,621	1244,471	1312,036	1382,672	1185,731	1279,724
Таджикистан	847,3855	977,6562	1073,675	1148,427	978,4023	807,1052	848,6682	853,2173	890,5475	838,4513	829,8952
Туркменистан	5649,962	6675,191	7304,286	7962,245	6477,946	6387,683	6752,362	6544,669	7314,035	7103,937	8401,189
Узбекистан	1960,459	2173,33	2305,082	2519,475	2646,252	2600,969	1851,075	1551,677	1750,259	1724,188	1947,118

Источник: составлено автором по UNCTAD.

Из представленных данных можно сделать вывод о том, что совокупная экономика ЦА выросла за исследуемый период с 41975,44 млн долларов в 2000 г. до 324770,9 млн в 2021 г., т. е. в 7,7 раза. При этом самый большой прирост имел место в Казахстане и Туркмении: ВВП каждой из этих стран вырос за исследуемый период в 10,4 раза. Можно сказать, что эти 2 страны разделили первое место. Второе место по данному показателю занимает Таджикистан (рост в 9,4 раза), далее располагаются Киргизстан (рост в 6,2 раза) и Узбекистан, замыкающий рейтинг (рост в 4 раза). Более того, Казахстан в 2021 г. создал более чем 58,7% регионального ВВП (в 2000 г. его доля составляла 43,6%). В то же время доля Узбекистана в 2021 г. составляла 20,3% регионального валового продукта, сократившись с 39,4% в 2000 г. Беднейшей страной региона остается Таджикистан по величине национального ВВП и его доле в совокупном региональном валовом продукте (2,49% в 2021 г.). Таджикистан также беднейшая страна и по показателю подушевого дохода.

В то же время Таджикистан демонстрировал наиболее высокий темп роста в регионе ЦА в 2015–2021 гг., который достиг 6,97%. Второе место у Узбекистана — +4,83% за тот же период. Но в 2021 г. локомотивом экономического роста в ЦА стал Узбекистан (+6,4% за год). Если говорить о динамике подушевых доходов за тот же период, то и в этой сфере Таджикистан демонстрировал наиболее высокий темп роста в регионе ЦА в 2015–2021 гг., который достиг 4,44%. Второе место у Узбекистана — +3,21% за тот же период. В 2021 г. лидерами в ЦА по этому показателю стали Узбекистан (+4,94% за год) и Туркменистан (+3,7%).

Соответственно, социально-экономический рост остается одной из важнейших задач для Таджикистана. Именно поэтому Президент Таджикистана Эмомали Рахмон поручил правительству обеспечить в 2022 г. рост экономики на уровне не менее 8% (Расширенное заседание Правительства Республики Таджикистан, 2022). В целом, по оценкам Азиатского банка развития (*Asian Development Bank*), экономический рост стран региона ЦА может достичь по итогам 2022 г. показателя в 3,6% и вырасти на 4% в 2023 г., в том числе — за счет денежных переводов из Российской Федерации. В частности, в Киргизии зафиксирован рост денежных переводов за 7 месяцев 2020 г. на 7,7% относительно предыдущего года, в Таджикистане — на 7,4% за 1-е полугодие (*Asian Development Outlook 2022*). И этот рост возможен на фоне высокой степени вероятности глобальной рецессии. Таким образом, денежные переводы из России продолжают оставаться одним из важнейших факторов экономического роста стран ЦА, прежде всего беднейших.

Еще одним фактором развития выступает внешний фактор — ситуация в мировой экономике и в регионе, в том числе в Афганистане, с которым страны ЦА должны так или иначе выстраивать отношения. Это серьезный внешний фактор с высокой долей неопределенности, который, однако, в предстоящие годы уже сможет оказать влияние (возможно, значительное) на внутреннюю экономическую и политическую ситуацию в ЦА, в том числе значительное в Таджикистане. Глобальные финансовые процессы также негативно влияют на внутренние (Чиниев, 2010) экономические процессы, как и пандемия.

Однако рост глобальной нестабильности не оказывал, по-видимому, существенного влияния на экономику региона в 1-й половине 2022 г. Тем более важными остаются внешнеторговые отношения, как на региональном, так и на внерегиональном уровнях. Дело в том, что экономически ЦА в большой степени зависит от мирового рынка и мировых цен на углеводороды, особенно Казахстан и Туркменистан. Эти две страны могут реализовать значительные дивиденды на мировом рынке при условиях сохранения мировой цены на

энергоносители на высоком уровне. Динамика экспорта и импорта стран ЦА представлена на рис. 3–4 и в табл. 2.

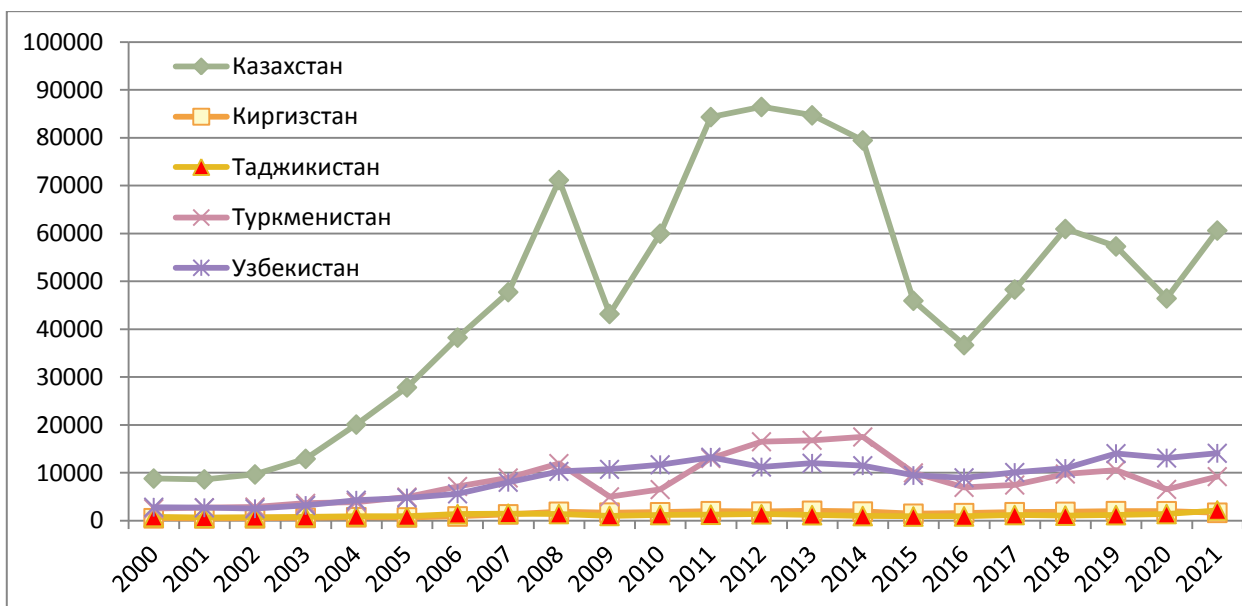

Рис. 3. Динамика экспорта в регионе Центральной Азии в 2000–2021 гг., млн долларов.

Источник: составлено автором по табл. 2.

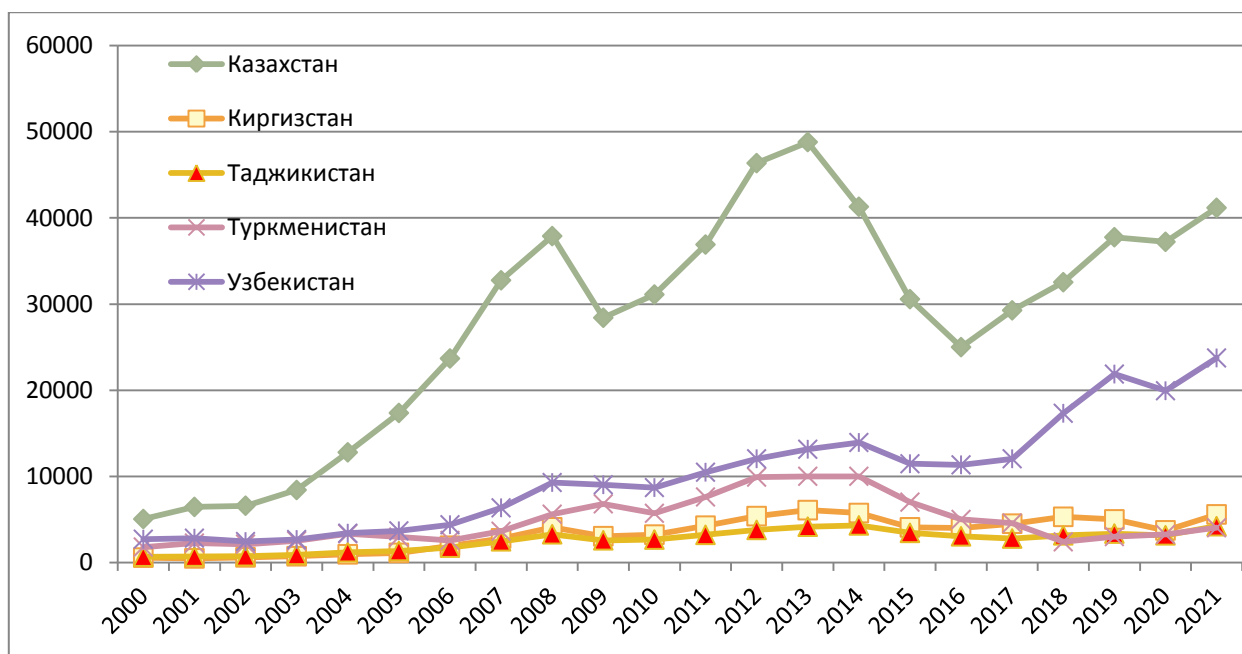

Рис. 4. Динамика импорта в регионе Центральной Азии в 2000–2021 гг., млн долларов.

Источник: составлено автором по табл. 2.

Как видно из табл. 2 и рис. 3–4, внешнеторговую динамику стран ЦА, начиная с 2008 г., можно охарактеризовать как весьма волатильную, за исключением одной страны — Узбекистана, с более стабильными показателями.

Таблица 2.

Динамика экспорта и импорта в регионе Центральной Азии в 2000–2021 гг., млн долларов.

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Экспорт											
Казахстан	8812,2	8639	9670,3	12926,7	20093,1	27849	38250	47755	71171,96	43195,76	59970,8
Киргизстан	510,9	476	485,5	581,7	718,8	672	891,1	1321,1	1855,6	1673	1755,9
Таджикистан	785	650	738	797	914,9	909	1399	1468	1408,7	1010,3	1195,3
Туркменистан	2506	2700	2850	3632	3870	4944	7156	8932,1	11944,7	5000	6500
Узбекистан	2817	2708	2513	3189	4280	4749	5617	8029	10298	10735	11695,01
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Казахстан	84335,9	86448,8	84698,54	79459,8	45955,74	36685,15	48303,71	60956,23	57308,75	46447,34	60624,7
Киргизстан	1978,9	1893,8	2058,2	1896,5	1441,4	1573,2	1764,3	1836,8	1986,1	1973,2	1658,9
Таджикистан	1256,8	1359,7	1161,8	977,3	890,6	899	1198	1073,3	1174,4	1406,9	2149,6
Туркменистан	13000	16500	16800	17500	10000	6963,89	7457,53	9760,15	10539,49	6544,64	9211,57
Узбекистан	13253,99	11210,19	12000	11500	9443,238	8974,004	10079,21	10920,7	14023,84	13097,27	14081,08
Импорт											
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Казахстан	5040	6446	6584	8408,7	12781,2	17353	23677	32756	37889	28408,68	31106,7
Киргизстан	558,1	467	586,7	717	941	1102	1931,1	2788,6	4072,4	3040,2	3222,8
Таджикистан	675	688	721	881	1191,3	1330	1722,6	2455	3272,6	2569,6	2656,9
Туркменистан	1786	2250	2120	2512	3320	2947	2560	3619	5600	6800	5700
Узбекистан	2697	2814	2425	2662	3392	3666	4380	6339,787	9277,024	9023,015	8689,483
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Казахстан	36905,8	46358,4	48805,6	41295,5	30567,56	24994,74	29266,09	32533,53	37756,87	37221,76	41170,57
Киргизстан	4261,2	5373,9	6069,7	5732,4	4069,6	4000,4	4494,7	5292	4989	3718,8	5570,1
Таджикистан	3206	3778,2	4150,7	4297,4	3435,6	3031	2774,9	3150,9	3349,3	3150,9	4209,5
Туркменистан	7600	9900	10000	10000	7000	4994,33	4570,95	2389,57	2994,6	3241,92	4026,35
Узбекистан	10472,15	12034,24	13137,98	13924,75	11460,52	11328,41	12035,21	17312,26	21866,45	19932,37	23740,37

Источник: составлено автором по UNCTAD.

Как видно из анализа представленных данных, товарооборот всех пяти стран ЦА вырос за исследуемый период с 50478,7 млн долларов в 2000 г. до 341661,8 млн в 2021 г., т.е. в 6,8 раза, более низкими темпам, чем ВВП, при этом пик стоимостного объема совокупного товарооборота стран ЦА зафиксирован в 2013 г., когда экспорт и импорт в стоимостном выражении достигли в совокупности 431282,8 млн долларов, что выше показателя 2021 г. в 1,3 раза. При этом страны ЦА в целом сохраняют неизменно положительное сальдо во внешней торговле (рис. 5), что можно рассматривать и как плюс — из-за получения валютной выручки и возможности финансирования национальных экономик, и как минус — из-за того, что у соответствующих стран отсутствует острый стимул для изменения (улучшения) ситуации, трансформации структуры национальных экономик и формирования новых товарных потоков.

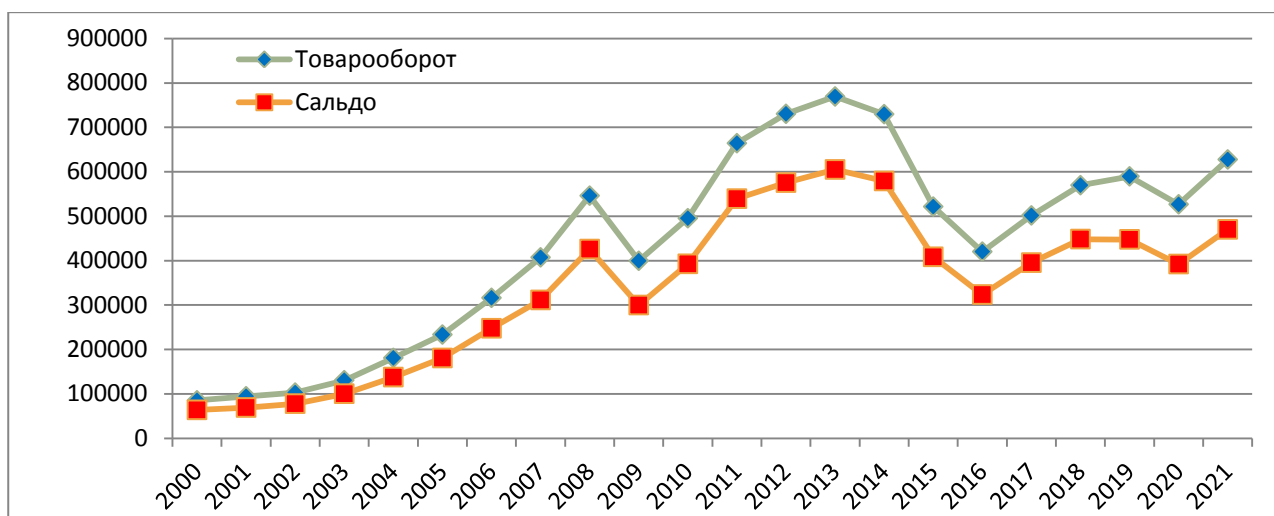

Рис. 5. Динамика совокупного товарооборота и сальдо стран ЦА в 2000–2021 гг., млн долларов.

Источник: составлено автором по табл. 2.

Но такое положение складывается не у всех стран. Так, у Киргизии и Таджикистана сальдо внешней торговли традиционно отрицательное, а у Узбекистана сальдо отрицательное в 2013–2021 гг. (см. табл. 2). Следовательно, можно говорить о том, что «положительная картинка» в регионе формируется исключительно за счет Казахстана и Туркменистана, благодаря экспорту этих страна углеводородов на мировой рынок. Стоит отметить, что максимальное по стоимости положительное сальдо сложилось у Туркменистана в 2019 г., а у Казахстана — в 2014 г. (табл. 2). Эксперты отмечают, и с этим можно согласиться, что «Экспорт сырья на внерегиональные рынки, связанный с низкими издержками, обеспечил устойчивый приток бюджетных доходов, что позволило этим странам Центральной Азии справляться с самыми насущными социальными проблемами и балансировать свои бюджеты» (Wani, 2014).

В то же время наше исследование подтверждает, что уровень открытости экономик стран ЦА имеет тенденцию к снижению, и это нам представляется серьезной проблемой для рассматриваемых государств, которая будет создавать все больше трудностей в перспективе, если ее решение не будет найдено, как минимум, в среднесрочном периоде. Вывод об уменьшении открытости национальных экономик ЦА мы делаем на основе снижения (хотя и

нелинейного) на протяжении всего периода экспортной квоты этих стран как одного из важнейших показателей их внешней открытости (рис. 6).

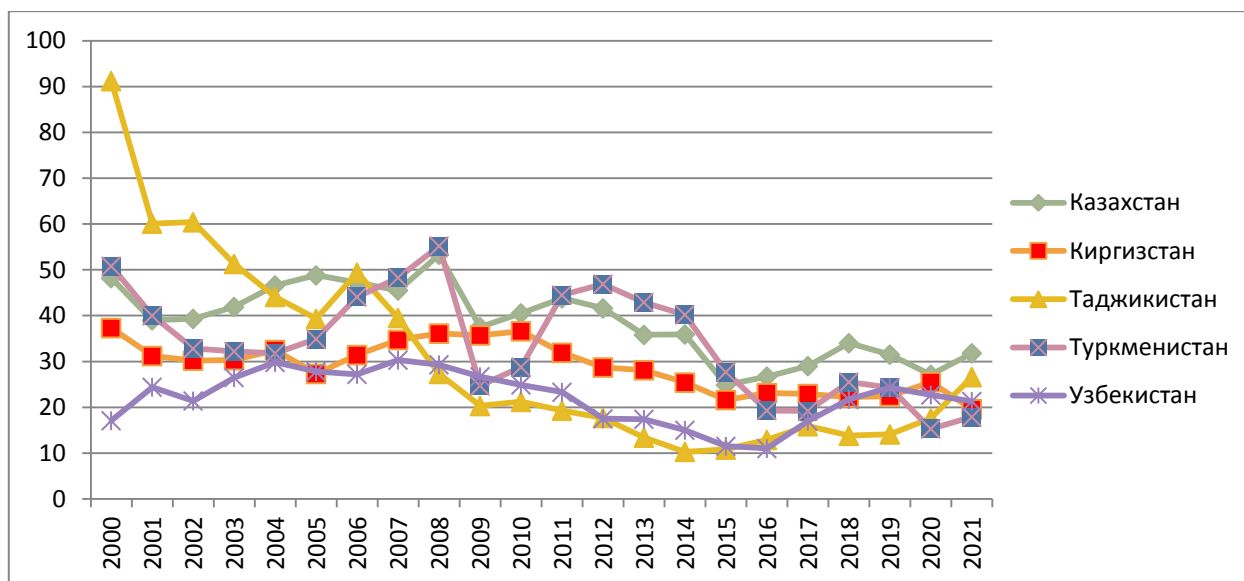

Рис. 6. Динамика уровня открытости национальных экономик стран ЦА (экспортной квоты) в 2000–2021 гг., % от ВВП.

Источник: составлено и рассчитано автором по табл. 2.

Из рис. 6 видно, что уровень открытости наиболее высокий у Казахстана и Туркменистана, но и он имеет тенденцию к достаточно резкому снижению. Этот процесс, фактически, дезинтеграции с глобальной торговой системой, подчеркивает необходимость не только трансформации национальных экономик — а страны стремятся к этому, в том числе на основе цифровизации (см., например, Sembekov et al., 2020), но и грамотной либерализации национальных торговых законодательств.

Как уже отмечалось, страны ЦА весьма серьезно ориентированы на внешнеторговое сотрудничество, и прежде всего — с внерегиональными партнерами. Некоторые исследователи по этому поводу отмечают, что «Несмотря на многие экономические, социальные, политические, исторические, культурные и другие сходства, страны ЦА встали на путь экономической интеграции в мировой рынок за счет внутрирегиональных торговых отношений и интеграции: большая часть экспорта из стран Центральной Азии была ориентирована на другие регионы — это Западные государства, Россия и Китай. Но 3 десятилетия интеграции в мировой рынок, в основном через экспорт полезных ископаемых, не означало каких-либо глубоких или всеобъемлющих экономических отношений с другими участниками мирового рынка и, следовательно, реальной интеграции в мировую экономику не произошло» (Makhanov et al., 2020), как и региональной интеграции и формирования более плотных и полноценных торговых и иных экономических взаимоотношений и взаимодействия.

Это отчасти вызвано (и подтверждается) наличием различных таможенных режимов между странами ЦА, применяемых ими во взаимной торговле друг к другу (а также в процессе реализации других видов хозяйственного взаимодействия, миграции капитала и др.). Так, Киргизия и Казахстан являются членами ЕАЭС и, соответственно, входят в общее

таможенное пространство. Узбекистан и Туркменистан не являются членами ВТО, согласно данных этой организации на 2022 г. (WTO, 2022), в то время, как Киргизия вступила в ВТО 20 декабря 1998 г., Таджикистан — 2 марта 2013 г., Казахстан — 30 ноября 2015 г. Туркменистан остается лишь ассоциированным членом СНГ, поэтому не входит в зону свободной торговли этого экономического пространства. Все это, на наш взгляд, затрудняет развитие взаимного экономического и торгового сотрудничества и реализацию экономических интересов государств ЦА, в том числе и в части обеспечения экономической безопасности и поддержания национального суверенитета.

Отдельные авторы отмечают, что еще на рубеже веков «страны ЦА начали определять свои интеграционные приоритеты, которые отличались от страны к стране. Так, в 2001 г. Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан продемонстрировали свою готовность к интеграционным связям с Россией, вступив в Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), в то время как Туркменистан и Узбекистан скептически отнеслись к этому процессу и не спешили присоединиться» (Makhanov et al., 2020).

Таким образом, сегодня нет инициатив, которые бы были направлены на объединение в рамках экономического сотрудничества всех пяти стран ЦА. В то же время все страны ЦА декларируют необходимость и возможность такого сотрудничества. В частности, они имеют двусторонние торговые соглашения, принимают различные стратегии, где прописываются в качестве приоритетов развитие торгово-экономического взаимодействия в регионе ЦА, включая такой формат, как ШОС. РФ остается важным экономическим партнером стран ЦА.

Исследования показывают, что Казахстан и Туркменистан, в связи с преобладанием в их экспорте углеводородов, которые в основном поставляются в страны дальнего зарубежья (ЕС и Китай), в меньшей степени ориентированы на региональный рынок (4,8% и 4,1%), чем Таджикистан и Кыргызстан (30,6% и 19,8%), промежуточную позицию занимает Узбекистан (12,4%). Несмотря на то, что основную часть товарного экспорта стран ЦА составляют ископаемые природные ресурсы и продукты их первичной переработки (до 70–80% всего товарного экспорта), этими товарами страны региона торгуют друг с другом в гораздо меньшей степени, чем продают их за пределы региона (Кутбитдинов, 2020).

При этом Узбекистан, как страна, находящаяся в центре региона ЦА и имеющая общие границы со всеми странами ЦА, прежде всего заинтересована в расширении регионального экономического сотрудничества и кооперации, как в рамках СНГ, так и других международных организаций, включая формат ЕАЭС.

Заключение

Таким образом, страны ЦА на сегодня сохраняют положительную социально-экономическую динамику, поддерживаемую, в том числе, международной торговлей, как правило — внерегиональной. В то же время высокая волатильность национальных экономик, усилившаяся с 2008 г., говорит о наличии (а, возможно, и об обострении) ряда социально-экономических проблем в регионе, включая и сферу международной торговли и снижения открытости национальных экономик как тенденции.

ЦА на мировой рынок поставляют преимущественно минеральные ресурсы, в том числе — углеводороды. С точки зрения задач развития региона важно, на наш взгляд, активизировать развития региональных торгово-экономических отношений на взаимовыгодных условиях. Это представляется возможным практически, так как

исследования подтверждают, что «без учета объемов товарного экспорта минеральных продуктов и металлов, доля экспорта между странами ЦА намного выше, значит по товарам, не являющимися полезными ископаемыми, имеются перспективы по наращиванию внутри региональной торговли, особенно готовой продукцией, в чем заинтересованы все страны региона» (Кутбитдинов, 2020).

Решение большинства имеющихся проблем, по нашему мнению, возможно во многом как на основе коллективных усилий, так и роста суверенитета в экономической и политической сферах.

Список литературы

1. Кочаева А. Р., Аманаков А. Х., Довлетов Х. С. (2020) Структурные преобразования экономики Туркменистана за годы независимости // Научные исследования XXI века. № 6 (8). С. 201–205. [Kochayeva A. R., Amanakov A. H., Dovletov H. S. (2020) Structural transformations of the economy of Turkmenistan over the years of independence // Scientific research of the XXI century. No. 6 (8). Pp. 201–205. (In Russian).]
2. Кувалин Д. Б., Борисов В. Н., Зинченко Ю. В., Лавриненко П. А. (2022) Экономика Казахстана: итоги непростого тридцатилетия // Развитие территорий. № 1 (27). С. 22–32. [Kuvalin D. B., Borisov V. N., Zinchenko Yu. V., Lavrinenko P. A. (2022) The economy of Kazakhstan: the results of a difficult thirty years // Development of territories. No. 1 (27). Pp. 22–32. (In Russian).]
3. Кутбитдинов Ю. (2020) Торгово-экономическое сотрудничество стран Центральной Азии в период пандемии [Kutbitdinov Yu. (2020) Trade and economic cooperation of Central Asian countries during the pandemic. (In Russian).] URL: <https://review.uz/post/torgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-stran-centralnoy-azii-v-period-pandemii-covid-19>
4. Мигранян А. А. А. (2021) Экономика Казахстана: потенциал и риски развития в условиях турбулентности // Геоэкономика энергетики. Т. 15. № 3. С. 146–162. [Migranyan A. A. A. (2021) Kazakhstan's economy: potential and risks of development in conditions of turbulence // Geoeconomics of Energy. Vol. 15. No. 3. Pp. 146–162. (In Russian).]
5. Назаров Т. Н. (2020) Экономика Таджикистана: новое качество // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. № 1 (259). С. 7–21. [Nazarov T. N. (2020) Economy of Tajikistan: new quality // Proceedings of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. Department of Social Sciences. No. 1 (259). Pp. 7–21. (In Russian).]
6. Расширенное заседание Правительства Республики Таджикистан (2022) [Extended meeting of the Government of the Republic of Tajikistan (2022) (In Russian).] URL: <http://president.tj/ru/node/27515>
7. Рахимзода Ш. (2021) Экономика Таджикистана: состояние и перспективы развития // Евразийский юридический журнал. № 7 (158). С. 129–133. [Rakhimzoda Sh. (2021) Economy of Tajikistan: state and prospects of development // Eurasian Law Journal. No. 7 (158). Pp. 129–133. (In Russian).]
8. Чепель С. В. (2019) Экономика Узбекистана в начале перемен: проблемы и перспективы // Мир перемен. № 1. С. 71–85. [Chepel S. V. (2019) The economy of Uzbekistan at the beginning of changes: problems and prospects // The World of Change. No. 1. Pp. 71–85. (In Russian).]

9. Чиниев Д. Б. (2010) Влияние мирового экономического кризиса на экономику Республики Таджикистан // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. № 1. С. 21–28. [Chiniev D. B. (2010) The impact of the global economic crisis on the economy of the Republic of Tajikistan // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics. No. 1. Pp. 21–28. (In Russian).]
10. Asian Development Outlook, 2022. Update: Entrepreneurship in the Digital Age. URL: <https://www.adb.org/>
11. Makhanov K., Anlamassova M., Aidarbek A., Tazhibayev R. (2020) The Central Asian Countries in the Global Economy: the Challenges of Economic Integration // Central Asia and the Caucasus. Vol. 21 Is. 1. Pp. 90–101. DOI: 10.37178/ca-c.20.1.09
12. Sembekov A. K., Budeshov Ye. G., Tazhibayev N. M., Ulakov N. S., Tyupakova N. N. (2020) Digital economy of Kazakhstan: theoretical aspects, development opportunities // Bulletin of Karaganda University. Economy Series. Vol. 98. № 2. Pp. 79–89.
13. UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>
14. Wani M. I. (2014) Energy Resources of Central Asia: An Analysis in Market Demand // The Journal of Central Asian Studies. Vol. XXI.
15. WTO, 2022. URL: <https://www.wto.ru/about-WTO/members/>

Central Asia: Analysis of socio-economic and foreign trade processes in the XXI century

Jami B. Chiniev

PhD (Economics), Economist, IMF Representative Office in Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan.

The article presents a study of the socio-economic situation and the corresponding dynamics in the countries of Central Asia (CA) — Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan. All Central Asian countries retain common characteristics formed to some extent after the collapse of the USSR, but new processes and trends are emerging in the region, as well as at the global level, which in the XXI century form a new image of the region. This image, according to the author, is being transformed both at the country and regional levels as a result of the positive dynamics of the main macroeconomic indicators, including foreign trade, as well as a number of processes in the social sphere, including an increase in the quality of life. At the same time, a number of problems remain in the region and new ones are emerging, the solution of which, in our opinion, is possible in many respects both on the basis of collective efforts and the growth of sovereignty in the economic and political spheres. The study was conducted on the basis of statistical data from the international database of UNCTAD for 2000–2021 and based on the author's own calculations and the application of the visualization method.

Keywords: *Central Asia, economic development, socio-economic processes, foreign trade, global economy, regional economy.*

JEL codes: *F14, O11, O53.*